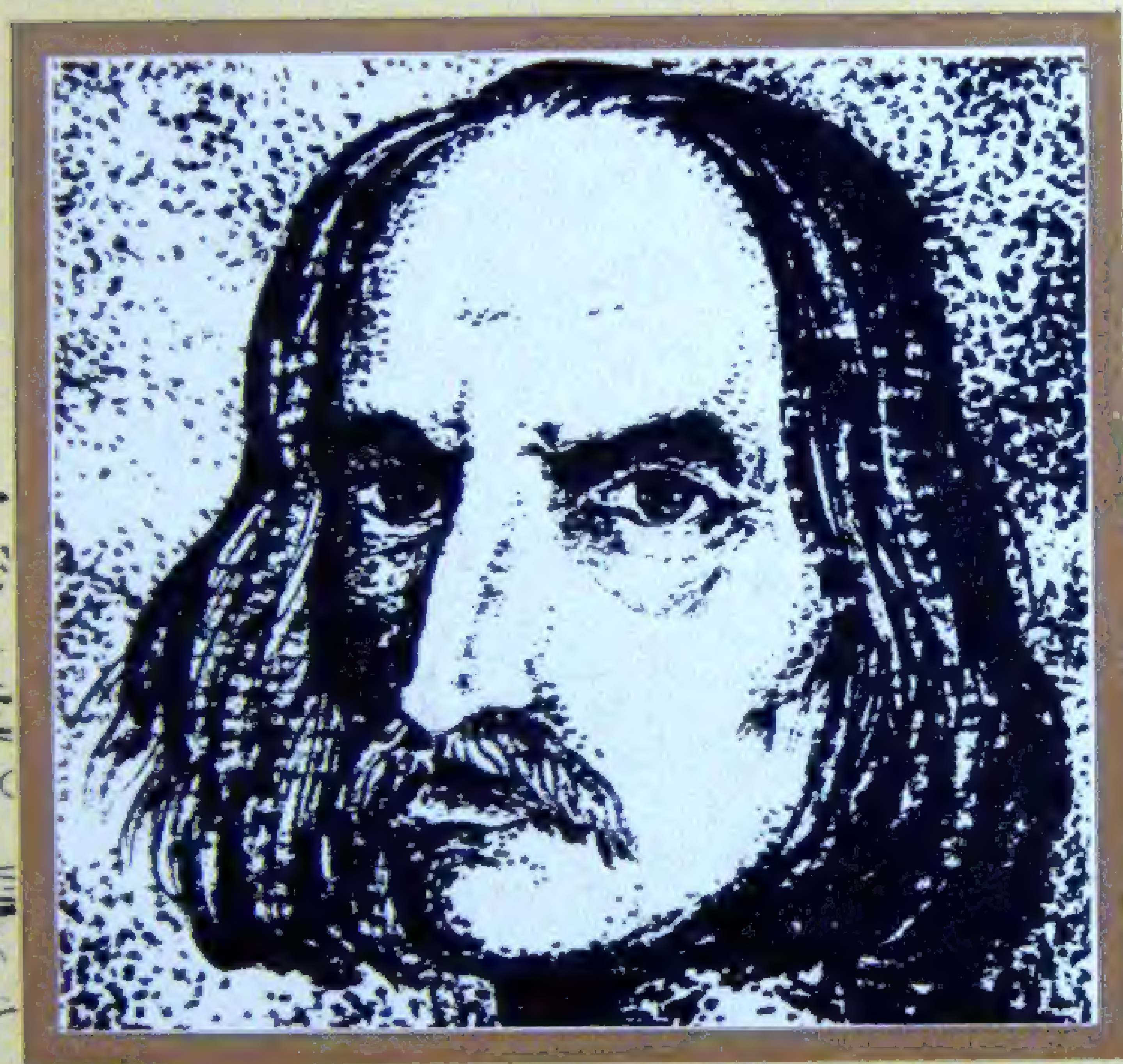
Е. С. Прокошина В. Ф. Шалькевич

КАЗИМИР ЛЫЩИНСКИЙ

Е. С. Прокошина В. Ф. Шалькевич

КАЗИМИР ЛЫЩИНСКИЙ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1986

ББК 86.1
П 80

Рецензенты:
А. С. Клевченя, доктор философских наук;
З. Ю. Копысский, доктор исторических наук

П $\frac{0400000000-208}{М\ 301(05)-86}$ 14—86

© Издательство «Беларусь», 1986

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1984 году исполнилось 350 лет со дня рождения мыслителя-атеиста, общественного деятеля и педагога XVII века, сына белорусской земли, Казимира Лыщинского. Жизнь его трагически оборвалась в расцвете творческих сил от руки палача.

До нас дошли очень скудные сведения о философе. Иезуиты и католическое духовенство постарались истребить все, что свидетельствовало о материализме и атеизме К. Лыщинского, что могло повлиять на умы как его современников, так и последующих поколений: была уничтожена рукопись «О несуществовании бога», очернен нравственный облик, дискредитирована педагогическая деятельность и т. д.

Но усилия церковников оказались тщетными. Даже почти три столетия спустя после казни память о К. Лыщинском сохранилась. Яркая жизнь и мученическая смерть его служат примером потомкам, учат не пренебрегать опытом истории. Философ-атеист К. Лыщинский и сегодня продолжает борьбу за духовную свободу, за человека и его творческое начало.

Благодаря научным поискам становятся известными все новые и новые факты, относящиеся к жизни К. Лыщинского, находятся все новые и новые подтверждения его атеистического мировоззрения. Тенденциозная речь королевского прокурора С. Куровича на процессе и пять тезисов из трактата «О несуществовании бога», найденные в 1957 году польским историком А. Новицким, свидетельствуют о прогрессивных взглядах мыслителя. Выявлено немало других косвенных источников. Важно обобщить уже накопленный материал, свидетельствующий о мужестве, твердости убеждений атеиста, опередившего свое время. Историческая справедливость требует осмысления этого прошлого для знакомства наших современников с поучительными и яркими страницами отечественной истории и для пользы будущего. К. Лыщинский заслуживает, чтобы потомки больше знали о нем.

Цель этой книги и состоит в том, чтобы, быть может полнее, чем ранее писалось в нашей стране, рассказать о замечательном соотечественнике.

Сложные обстоятельства, обусловившие общность исторических судеб трех братских народов — польского, литовского и белорусского, определяют и подход к оценке роли и места К. Лыщинского в истории культуры. Здесь хотелось бы сделать одно принципиальное замечание относительно значения его атеизма и материализма в развитии науки, культуры и общественной мысли в Белоруссии, Литве и Польше. Нам представляются односторонними те характеристики и оценки, которые дают К. Лыщинскому некоторые ученые. Так, белорусский исследователь В. Дружчиц еще в 30-х годах писал о К. Лыщинском как о «белорусском Джордано Бруно». Литовский ученый, член-корреспондент АН Литовской ССР И. Юргинис считает К. Лыщинского «основоположником литовского атеизма». Польский историк атеизма А. Новицкий оценивает его как «великого польского атеиста». Нельзя возражать против того, чтобы объективно оценивать роль атеистического наследия К. Лыщинского для культуры каждого из братских народов, входивших некогда в состав Речи Посполитой. Делать это даже необходимо. Однако ограничивать роль К. Лыщинского национальными рамками — значит недооценивать его вклад в развитие общественно-политической и философской мысли и культуры XVII века, погрешить против исторической правды. Уроженец Брестчины, общественно-политический деятель Великого княжества Литовского, мыслитель-атеист Казимир Лыщинский оказал влияние на формирование прогрессивной культуры трех братских народов — белорусского, литовского и польского. Более того, значение его деятельности и мировоззрения выходит за пределы одного государства. Его имя достойно стоять в одном ряду с такими «великими еретиками», как Мигель Сервет, Джордано Бруно, Лючилио Ванини и другие.

Значение теоретического наследия Казимира Лыщинского состоит в том, что в нем идеи материализма и атеизма сливаются воедино с утопическим социализмом. Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что на философском небосклоне XVII века Казимир Лыщинский относится к звездам первой величины, которые и сегодня поражают нас своим величием.

ВРЕМЯ К. ЛЫЩИНСКОГО

Жизнь и деятельность К. Лыщинского протекала в середине и второй половине XVII века. В это время в Речи Посполитой обострились кризисные процессы, обозначившиеся уже в XVI веке.

Экономический упадок проявился прежде всего в сельском хозяйстве. Основой его был помещичий фольварок, который держался на барщинном труде. Феодалы тщательно учитывали все виды барщины, конкретно перечисляли всю порученную крепостному работу. Ежедневно указывалось, сколько загонов крестьянин должен вспахать, сколько снопов сжать, сколько хлеба обмолотить и т. д. Работали крепостные и летом и зимой практически весь световой день. Однако их эксплуатация не ограничивалась барщиной. Крестьяне должны были нести многочисленные повинности: подводную, охрану поместья, ремонт дорог и мостов, прясть, а также выполнять обязательные сверхбарщинные работы во время полевой страды и т. д. Кроме того, крепостные вносили панам денежный и натуральный оброки. Обирались они и при помощи господских монополий — принудительной продажей им тех или иных товаров, цены на которые устанавливались произвольно феодалом.

Кроме повинностей в пользу пана крестьяне платили еще и государственные налоги. Они особенно возросли во второй половине XVII века, когда почти непрерывные войны требовали огромных денежных средств.

На королевских и церковных крестьянах лежала еще особая государственная повинность, так называемые стации — при прохождении войск крестьяне должны были давать им постой. В 1649 году стации были заменены денежным налогом, который непрерывно рос, достигая порой двух третей крестьянского дохода, и взимался сверх других повинностей. Кроме того, крестьяне должны были платить и десятину — налог в пользу церкви.

Усиливали упадок сельского хозяйства многолетние тяжелые войны, которые шляхетская Речь Посполитая почти непрерывно вела с 1648 по 1717 год. Они несли крестьянам громадные бедствия, а порой и полное разо-

рение, способствовали уменьшению количества населения, пагубно отражались на помещичьем хозяйстве.

Так, в одном из документов, относящихся к 1655 году, указывалось, что в «Шкловском уезде станы и волости, села и деревни разорены и посожжены и хлеба никакого не сеяно... крестьяне пошли в Русь, потому что им жить не у чего: который был старый хлеб... поели, а вновь никакого не сеяли». Подобная картина наблюдалась по всей территории Белоруссии. В частности, в постановлении сейма 1661 года указывалось, что Ошмянский повет «вконец разрушен неприятелем», Браславский — «разрушен вражеской армией», Гродненский — «в результате военных действий обращен в руины, и преобладающая часть его сожжена», Слонимский — «почти дотла сожжен и разграблен неприятелем, а также разорен постоянными переходами войск»[1] и т. д.

Стремясь быстрее возместить убытки, магнаты и шляхта еще более усиливали угнетение крестьян. Они резко увеличивали барщину и другие повинности. Эксплуатация крепостного населения в XVII веке достигла крайних пределов. Это вынуждены были признать даже дворянские публицисты и писатели. Известный польский писатель Криштоф Опалинский (1610—1656 гг.) в своей сатире «На крестьянские тяготы и гнет» так запечатлел бедственное положение крепостных крестьян: «Я знаю, что бог ни за что больше не наказывает Польши, даже за жестокое угнетение подданных, которое превосходит бремя рабства. Как будто бы холоп не... человек? Содрогается сердце, мурашки пробегают по коже, как подумаешь о рабстве, худшем, чем языческое. О, поляки, боже мой, в своем ли вы уме! Все свое добро, последние остатки, пропитание — все отдают вам подданные, их руки вас кормят, а вы так жестоко с ними обращаетесь. Верблюд, говорят, не берет через силу, и если он почувствует, что на него нагружено слишком много, ложится и не встает. Здесь же, наоборот, холоп должен нести все, что положит на него пан, пусть это противоречит правам природным и божественным, пусть он даже умрет...»[2].

Против феодального гнета крестьяне, говоря слова-

---

[1] Цит. по: *Игнатенко А. П.* Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII—XVIII в.). Мн. 1974. С. 11.

[2] Цит. по: *Кондратович Л.* История польской литературы. М. 1862. Т. 2. С. 385—386.

ми В. И. Ленина, боролись, «как умели и как могли»[1]. Они подавали жалобы и прошения органам местной и центральной власти, отказывались от выполнения барщинных повинностей, физически расправлялись с помещиками, подымали вооруженные восстания. Наиболее распространенной формой классовой борьбы в то время было бегство от феодала. Перед уходом крестьяне нередко громили фольварки. Так, в 1667 году владелец усадьбы Городиво (Полоцкое воеводство) жаловался на крестьян за то, что они, «ограбив и разорив имение... дотла, разошлись во все стороны». Подобные действия в XVII веке носили в Белоруссии постоянный и массовый характер. Крестьянские протесты вели к еще большему обострению социальных противоречий, усилению классовой борьбы. Высшей формой социального протеста народных масс Белоруссии и Украины в середине XVII века явилась национально-освободительная борьба украинского и белорусского народов под руководством Богдана Хмельницкого. Однако она, несмотря на большое историческое значение, не принесла облегчения тяжелому положению широких крестьянских масс.

Упадок во второй половине XVII века переживали города, ремесла и торговля Белоруссии, впрочем, как и всей Речи Посполитой. Резко сократился объем производства, уменьшилась численность населения. Экономическому упадку городов способствовали также частые опустошительные войны. В результате «кровавого потопа» (так современники называли военные события середины XVII века) большинство городов Белоруссии оказалось в запустении. Так, в 1660 году был «весь до последнего строения разорен и сожжен» родной город К. Лыщинского — Брест. Погибли все члены магистрата, сгорели цеховые документы и магистратские книги. В том же году почти полностью был разрушен Пинск. Горожане, «не имея где притулиться, разошлись по разным местечкам и деревням». В 1661 году Варшавский сейм констатировал, что разрушен до основания Минск, а его мещане почти полностью погибли. Такая же участь постигла и многие другие белорусские города.

В то время как жизнь трудящихся масс протекала в постоянных страданиях и лишениях, магнаты и шляхта проводили время в заграничных поездках, балах и кутежах, на которых, по словам очевидца, за один присест

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

съедались и пропивались целые фольварки, деревни и поветы.

Уже тогда наиболее дальновидные и проницательные идеологи господствующего класса указывали на признаки разложения Речи Посполитой, предвещавшие ей гибель. В частности, даже один из наиболее последовательных защитников феодального строя, лидер Контрреформации в Белоруссии и Литве Петр Скарга говорил: «Боже мой, какая роскошь проникла в это царство. Всякий хочет пить вино, редкий пан без шелку, без шестерки лошадей и ливреи... Речь Посполитая становится убогою, богатеют лишь отдельные дома».

Экономический упадок Речи Посполитой сопровождался политической анархией. В большинстве стран Европы к концу средневековья прочно утвердился абсолютизм. В Речи Посполитой и в XVII веке сохранялась по существу феодальная раздробленность. Королевская власть была слабой.

С 1573 года король Речи Посполитой стал избираться. Ему запрещалось принимать законы без согласия сейма, объявлять войну или заключать мир, вести самостоятельную финансовую политику и т. д. У короля не было постоянной армии (обычно она насчитывала не более 3—4 тысяч наемников), и он целиком зависел от шляхетского ополчения — «посполитого рушения». Его деятельность неусыпно контролировала Рада сенаторов. В случае нарушения монархом хотя бы одного из принятых артикулов шляхта и магнаты могли отказаться от повиновения ему и избрать нового. Таким образом, власть его носила призрачный характер.

Выборность короля ослабляла центральную власть, содействовала укреплению могущества магнатов, которые с помощью послушной им шляхты сосредоточили в своих руках все высшие административные и военные должности. Владея к тому же огромными латифундиями, Радзивиллы, Пацы, Вишневецкие, Глебовичи, Сенявские, Сангушки, Хрептовичи, Ходкевичи, Тышкевичи, Кишки, Яблонские превратились в полновластных хозяев страны. Так, Радзивиллам, кроме наследственных владений, состоявших из четырех огромных княжеств (Несвижского, Клецкого, Биржанского и Олыцкого), принадлежало несколько десятков городов, сотни деревень, ряд войтовств, графств, волостей. Их доходы от наследственных имений в полтора раза превышали годовые поступления в казну Речи Посполитой. Радзи-

виллы любили повторять фразу, которая стала крылатой: «Король в Кракове, Радзивилл в Несвиже», подчеркивая тем самым свою полную независимость во всех отношениях от королевской власти.

Господство магнатов в условиях наступившего экономического регресса вело к политической анархии. Речь Посполитая была государством без войска. Любые проекты создания постоянной армии безоговорочно отвергались большинством магнатов и шляхты. Они хотели оставаться единственной вооруженной силой в стране, а также пользоваться вытекающими из этого привилегиями. По этому поводу видный деятель польского и международного рабочего движения Юлиан Мархлевский (1866—1925 гг.) в своих «Очерках истории Польши» писал: «...По классовым соображениям она [шляхта.— *Е. П.*, *В. Ш.*] не допускала образования постоянной армии. Мотивы были ясны и высказывались в литературе... с полной отчетливостью:

1) содержать пехотные полки — это значит обучать военному делу крестьян, что опасно, ибо создает возможность бунтов против шляхты; 2) создавать постоянную армию — значит усиливать центральную королевскую власть, а это опасно, ибо, опираясь на такую армию, король может посягать на шляхетские привилегии и вольности; 3) армия такого типа требует крупных средств, а шляхта податей платить не желает»[1].

Особенно обострялась борьба магнатско-шляхетских группировок при избрании нового короля. Сеймы проходили в атмосфере террора, поскольку многие магнаты прибывали в столицу в сопровождении собственных армий. Так, на Варшавский сейм 1669 года (на нем в качестве посла от брестской шляхты участвовал К. Лыщинский) М. Радзивилл явился в сопровождении 160 драгунов, Б. Радзивилл — с 4000 солдат пехоты. Армии Паца, Сапег и Виськовецкого были еще больше. Между магнатско-шляхетскими группировками возникали частые стычки. За город каждую ночь вывозили по нескольку десятков трупов. В выборы короля часто вмешивались иностранные государства (Австрия, Пруссия, Франция и др.). Иногда такое вмешательство определяло ход выборов. Королевский престол стал рассматриваться как средство удовлетворения частных интересов той или иной группировки феодалов.

---

[1] *Мархлевский Ю.* Соч. М.—Л. 1931. Т. 6. С. 276—277.

Со второй половины XVII века в политической жизни страны было сведено на нет не только значение королевской власти, но и сейма, который стал политическим орудием магнатов и князей церкви. До середины XVII века все решения на сеймах принимались большинством голосов, однако с 1652 года стал применяться принцип «liberum veto» (свободное запрещаю). Достаточно было хотя бы одному депутату сейма выступить против постановления — и оно не принималось. По сути дела, сейм прекратил законодательную деятельность. Подавляющее большинство его заседаний было сорвано. Причем депутат, налагающий вето, не обязан был давать объяснения своим действиям.

В таких условиях реальная власть на местах перешла к шляхетским сеймикам. В них опять-таки решающая роль принадлежала магнатам, что привело к еще большей децентрализации. Речь Посполитая все больше и больше стала распадаться на ряд самостоятельных областей, которые действовали разрозненно, заполняя внутриполитическую жизнь государства беспрестанной междоусобной грызней и войнами.

Упадок в экономике и политике сопровождался регрессом духовной жизни, усугубившимся наступлением католической реакции. Особенно отрицательно на судьбе прогрессивной идеологии сказалась реакционная деятельность ордена иезуитов, которые прибыли в Белоруссию и Литву для борьбы с реформационным движением.

Реформация в Речи Посполитой, как и в других европейских странах, носила антифеодальный характер и была направлена против главной опоры феодализма в то время — католической церкви.

Протестанты требовали создания дешевой церкви, отмены десятины, участия духовенства в уплате государственных налогов, упразднения церковной юрисдикции. Сначала Реформация охватила исконно польские земли, проявившись здесь главным образом в формах лютеранства, кальвинизма и арианства, а затем территорию Белоруссии и Литвы.

Началом Реформации на белорусских землях следует считать 1535 год, когда слуцкий князь Ю. Семенович выделил в принадлежавшем ему городе земельный участок для постройки лютеранской церкви. Однако лютеранство не имело сколько-нибудь значительного влияния среди населения Белоруссии и Литвы. Наибольшее распространение здесь получил кальвинизм, который со

временем оформился в стройную и влиятельную церковную организацию. Первая кальвинистская община была создана в 1553 году в Вильно Николаем Радзивиллом Черным. Затем возникают они и в Несвиже — реформационном центре Белоруссии, а также Клецке, Бресте и других белорусских городах. При них создаются церкви, школы, типографии, госпитали.

На начальном этапе этого движения (приблизительно до 1562 года) в нем участвовали все слои общества — городские низы, радикально настроенное бюргерство, часть крестьянства, а также значительная часть шляхты и магнатов. Все они преследовали различные цели. Шляхта и магнаты, в частности, стремились использовать протестантизм для захвата земельных и других богатств католической церкви, для усиления своего экономического влияния. Так, Николай Радзивилл Черный в ходе Реформации закрыл 187 костелов, захватил церковные земли и имущество.

Вскоре в реформационном движении наметилось резкое размежевание идейных позиций различных социальных слоев. Это привело в конечном счете к его расколу. Из него выделилось радикальное направление, получившее название арианства (антитринитаризма). Его виднейшие идеологи — Сымон Будный, Василий Тяпинский и другие выступали с резкой критикой католической церкви и наиболее уродливых проявлений крепостничества. В частности, в предисловии к несвижскому Катехизису (1562 год) С. Будный в таких нелицеприятных выражениях осуждал взяточничество, аморализм и невежество католических священников: «Не надобе о том много писати. Все бо ведаем яковых тепер учителей маем. Ведаеть весь свет, яко на свои степени въступают. Не тайно те же, яко на них стоять и справуются. Лепъшей плакати, нежели их норовы выписовати. Оно певная речь, ижь напрасно их поправлениа в науце или в житии ждати. Лучшей, абы каждый, кто не хочеть згинути, иншого собе лекарства за часу искал, а таковым пастыром покой дал».

Однако ни С. Будный, ни В. Тяпинский, ни их единомышленники не выдвинули программы коренных преобразований существующего феодально-крепостнического строя. Это сделали представители левого крыла ариан, которые выражали интересы городских низов, а также широких крестьянских масс. Они не ограничились критикой отдельных пороков современных им католиче-

ской церкви и феодально-крепостнических отношений, а выступили с требованием коренного преобразования существующего общества, устранения из него зла и несправедливости, установления на земле «царства божьего». Под ним понималось такое социальное устройство, в котором нет частной собственности, имущественного неравенства, классовых различий, нет ни господ, ни подданных, ни начальников, ни подчиненных. Виднейшими идеологами этого течения в Белоруссии и Литве были Петр Гонезий, Мартин Чехович, Якуб Калиновский, Лаврентий Крышковский, Ян Немоевский.

Решительные выступления левого крыла ариан резко изменили отношение шляхты и магнатов к Реформации. Последние были до такой степени напуганы движением народных низов, что начали покорно возвращаться в лоно католической церкви. В это же время (1564 г.) кардинал Станислав Гозий пригласил в Польшу, Белоруссию и Литву иезуитов для борьбы с Реформацией.

Кроме страха перед народным движением была и еще одна причина, обусловившая возвращение магнатов и шляхты к католицизму,— безудержное стремление польских феодалов включить белорусские, украинские и литовские земли в состав Польши. Воспользовавшись ослаблением Великого княжества Литовского во время Ливонской войны 1558—1583 годов, польские феодалы навязали ему Люблинскую унию (1569 г.), по которой Польша и Великое княжество Литовское образовали одно государство — Речь Посполитую. Уния открыла польским феодалам путь к широкой эксплуатации белорусских и украинских земель. В католицизме феодалы (прежде всего польские) видели не только надежный оплот против социальных демократических движений, но и верного союзника в угнетении белорусского и украинского народов. Именно поэтому иезуитов, как последовательных проводников идеологии католической церкви, радушно встретила не только шляхта Речи Посполитой, но и представители королевской власти в лице Сигизмунда II Августа (1548—1572 гг.).

Позиции иезуитов особенно укрепились после того, как королем Речи Посполитой стал Стефан Баторий (1576—1586 гг.). Перейдя в католицизм, он стал ревностным покровителем «Общества Иисуса». Баторий часто повторял: «Si non essem rex, jesuita essem» («Если бы я не был королем, был бы иезуитом»). В годы правления Батория благодаря его щедрой помощи во мно-

гих городах Белоруссии и Литвы началось активное строительство иезуитских средних учебных заведений — коллегиумов. Первый коллегиум на территории Белоруссии был открыт в Полоцке в 1579 году. Затем они появились в Несвиже, Орше, Бресте, Гродно, Пинске, Минске, Новогрудке, Витебске и других городах. В скором времени подавляющее большинство средних учебных заведений Белоруссии и Литвы было сосредоточено в руках иезуитов. В конце концов сложилось такое положение, когда образование можно было получить только в школах, руководимых «Обществом Иисуса».

Все коллегиумы на территории Белоруссии и Литвы подчинялись Виленской иезуитской академии, открытой Баторием в 1579 году и уравненной во всех правах с Краковским университетом. Возглавляемая П. Скаргой академия стала важнейшим оплотом католицизма, рассадником идей Контрреформации на белорусских и литовских землях. В составе академии было два факультета: философский и теологический. Это было типичное средневековое высшее учебное заведение. Учили в ней главным образом латыни, схоластической логике и теологии. Медицинские и естественные науки не преподавались[1]. История, география и математика изучались в ничтожном объеме. Все здесь, как и в других иезуитских учебных заведениях, было посвящено одной цели — подчинению подрастающего поколения влиянию католической церкви, воспитанию ее фанатичных приверженцев.

После С. Батория в Речи Посполитой правил Сигизмунд III (1587—1632 гг.). Его воспитателем был ректор Виленской иезуитской академии Воршевицкий. Упомянутый выше П. Скарга стал духовником (т. е. придворным проповедником) короля. При Сигизмунде III католическая реакция развернулась во всю мощь, угнетение белорусского и украинского народов еще более усилилось. Именно при Сигизмунде III, называвшем себя «иезуитским королем», в 1596 году в Бресте была провозглашена уния православной церкви с католической. Униатская церковь признала своим главой папу. Она

---

[1] В связи с этим хотелось бы указать на неточность, имеющуюся в статье «Вильнюсский университет», помещенной в Большой Советской Энциклопедии (3-е изд. М. 1971. Т. 5. С. 184), где утверждается, что медицинский факультет существовал в академии якобы с 1641 года. В действительности он был открыт только в 1781 году.

сохраняла в богослужении православную обрядность и церковнославянский язык, но приняла основные догматы католицизма. Уния должна была облегчить полонизацию белорусского и украинского крестьянства и горожан, ослабить их растущее сопротивление феодальному гнету, изолировать от братского русского народа.

К концу XVI века в Речи Посполитой окончательно восторжествовала католическая реакция. Влияние ордена на жизнь государства было настолько велико, что следующий, XVII век в истории Речи Посполитой часто называют веком иезуитов. Об их засилии во всех сферах общественной жизни известный поэт и издатель XVII века Ян Гербурт писал: «Теперь иезуит советует, иезуит судит, всем управляет через своих приверженцев. Но всегда осторожный, хитро притворяется, что он ни во что дурное не вмешивается»[1].

Чтобы подавить всякое проявление свободной мысли и ограничить приток новых идей, в Речи Посполитой вводится в действие периодически пересматриваемый епископатом индекс запрещенных книг. Чтение включенных в этот список изданий каралось отлучением от церкви. Наряду с передовыми прогрессивными произведениями великих западноевропейских философов, ученых и писателей в индекс было внесено немало изданий местных, т. е. белорусских, литовских и польских авторов. Так, в краковский индекс 1603 года церковные власти поместили более 60 произведений видных мыслителей, поэтов и публицистов XVI века. Не довольствуясь этим, фанатичный клир начал уничтожать крамольные, с его точки зрения, издания. Первое публичное сожжение неугодных католической церкви книг было совершено в Речи Посполитой в 1627 году. В дальнейшем подобное совершалось в XVII веке неоднократно. Особенно безжалостно уничтожались изданные в годы Реформации переводы «священного писания» на белорусский и польский языки. Ревностными помощниками иезуитов в этом неблаговидном деле выступали белорусские феодалы, ранее принимавшие участие в реформационном движении. Одним из таких ренегатов был Николай Крыштоф Радзивилл Сиротка, который под влиянием П. Скарги перешел из кальвинизма в католицизм. Новообращенный на свои средства не только построил в Несвиже иезуитский костел и коллегиум, но и отпустил

---

[1] Цит. по: *Кондратович Л.* Указ. соч. С. 364.

пять тысяч дукатов на покупку и истребление кальвинистской Библии, изданной в 1563 году в Бресте на средства его отца Николая Радзивилла Черного и носившей название радзивилловской.

Именно в годы католической реакции иезуитами были уничтожены многие бесценные издания Франциска Скорины, Сымона Будного, Василия Тяпинского. Причины этого намеренного вандализма были цинично изложены кардиналом С. Гозием, который писал: «Народ не должен понимать слов, произносимых во время богослужений, тот, кто меньше понимает, обычно более набожен. Те же, кто в костеле все понимают, легко начинают презирать религию»[1].

Уничтожая замечательные памятники прогрессивной общественной мысли Белоруссии XVI века, отцы-игнатианцы[2] в то же время увеличивают выпуск сочинений своих духовных отцов и идеологов — И. Лойолы, П. Скарги, Т. Янушкевича, И. Ковальского, наводняют ими библиотеки и книжные рынки белорусских городов.

В XVII веке под влиянием иезуитов усилился религиозный фанатизм шляхты, проявлявшийся, в частности, в многочисленных «ведовских процессах», в пытках и сожжениях еретиков, «колдунов» и «ведьм». Так, в 1611 году в Вильно был публично казнен учитель-итальянец Лоренцо Франки, который осмелился критиковать католический обряд поклонения «телу Христа». В том же году в Варшаве был сожжен на костре бельский мещанин Иван Тышкевич за то, что «топтал ногами брошенное на землю распятие, проклиная троицу». Их трагическую судьбу, как и многих других жертв, разделила уроженка Кракова Мельхиора Вейглова. Эти примеры приводятся для того, чтобы подчеркнуть, что если век Спинозы и Гоббса, Мольера и Буало для Западной Европы может быть назван веком ее окончательного пробуждения, то век Лыщинского для Белоруссии, окраины Речи Посполитой,— один из самых трудных и мрачных периодов ее истории. Деятельность ордена иезуитов по пропаганде католицизма и борьбе с «еретиками» была здесь настолько жестокой и фанатичной, что один из не-

---

[1] Цит. по: *Новицкий А.* Очерк истории атеизма и свободомыслия в Польше // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.—Л. 1962. Т. 6. С. 65.

[2] Иезуитов часто называли игнатианцами — от имени основателя ордена «Общества Иисуса» Игнатия Лойолы.

мецких исследователей XIX века Ж. Губер, далекий от мысли исказить подлинное положение дел, писал, что иезуиты совершили в Белоруссии «столько чудес, что в течение XVII века в Литве [Белоруссии.— *Е. П.*, *В. Ш.*] появилось больше святых, чем во всей Европе за все предшествующие века»[1].

В результате утверждения католической реакции в XVII веке в Белоруссии и Литве, как и во всей Речи Посполитой, наступает период упадка науки и образования. Ускорило процесс разложения культуры в стране изгнание в 1658 году из речи Посполитой ариан, имевших в своих рядах замечательных мыслителей, писателей, ученых. Книжная бесплодная ученость, бездумный педантизм, подражательность, слепое обоснованис догматов веры — все это на многие десятилетия обретает право на жизнь в многочисленных, но безликих и бездушных трактатах, обильно выходивших из-под пера идеологов Контрреформации.

Отрицательно сказалось господство католицизма не только на судьбах передовой белорусской философской и общественно-политической мысли, но и на судьбах белорусского литературного языка. Будучи ранее государственным языком Великого княжества Литовского, после Брестской церковной унии он, по сути дела, был поставлен вне закона. Господствующее положение, наряду с польским, занял латинский язык. В речь безудержным потоком устремились чуждые и непонятные народу латинизмы. Особенно широкое распространение иностранных слов наблюдается в среде господствующего класса.

Чтобы ощутить степень этого засилия, уместно привести отрывок из речи известного в то время оратора — минского воеводы Кристофора Станислава Завиши, адресованной королю Речи Посполитой Августу II: «Отечество cum suis ordinibus, созерцая в недрах своих primum majestatis ordinem, то есть вашу королевскую милость in diademate suo, покидает вид тоскующей горлицы, облекшись в орлиные перья»[2].

Все содержание общественно-политической жизни Речи Посполитой в XVII веке определяла борьба с Реформацией, ее подавление. Во всех сферах жизни общества утвердилось фактическое господство католической

---

[1] *Губер Ж.* Иезуиты. Спб. 1898. С. 107.

[2] Цит. по: *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор истории славянских литератур. Спб. 1865. С. 410.

церкви и ее верного стража — ордена иезуитов. Попирались права народов непольской национальности, «огнем и мечом» насаждалась католическая вера. Царила атмосфера религиозного фанатизма, вражды и нетерпимости к проявлениям национальной и вероисповедной самостоятельности.

Однако умертвить свободную мысль реакционерам не удалось. Несмотря на засилие религиозного фанатизма, в духовной жизни белорусского, украинского, литовского и польского народов не произошло разрыва с гуманистическими традициями эпохи Возрождения, с передовым естествознанием. И в условиях неравной борьбы с католической реакцией, опираясь на прогрессивные достижения отечественной и зарубежной науки, литературы и философии, народы Речи Посполитой выдвигали оригинальные научные и философские идеи, создавали значительные литературные произведения.

В частности, в области естественных наук достойно продолжил традиции Н. Коперника гданьский астроном Ян Гевелий (1611—1687 гг.). В сочинении «Селенография, или описание Луны», вышедшем в свет в 1647 году, он составил первые точные детальные и художественно выполненные карты Луны, дал названия многим деталям на ее поверхности, которые употребляются учеными до нашего времени.

Я. Гевелий составил также каталог на 1564 звезды, который значительно превосходил точностью данные известного астронома Т. Браге. Одновременно с Я. Гевелием большую работу в области астрономии проделал Станислав Роль-Любенецкий (1623—1675 гг.). В изданном им труде «Обозрение комет» (1667 г.) был собран материал о 415 появлениях комет, начиная с 2312 года до н. э. и кончая 1665 годом.

Значительными были достижения народов Речи Посполитой и в области литературы. В произведениях Я. Пассека, К. Опалинского, В. Каховского и других писателей XVII века были запечатлены дикий произвол шляхты в обращении с крепостными, казнокрадство, другие социальные язвы, разъедавшие государственный организм, сделаны попытки вскрыть причины социальных бед.

Наибольший след в литературе XVII века оставило творчество Вацлава Потоцкого (1625—1696 гг.). Среди его огромного литературного наследия главное место по праву занимает поэма «Хотинская война», в которой в

хронологической последовательности описаны события войны с Турцией. Вместе с тем поэт нашел в ней место и для того, чтобы сказать о бесправном, тяжелом положении крестьян, язвительно посмеяться над пороками королевского двора. Неудивительно, что поэма В. Потоцкого была издана лишь в 1850 году — спустя полтора столетия после смерти ее создателя.

Широкое распространение в Белоруссии в XVII веке получила церковно-полемическая литература. И хотя она преследовала прежде всего церковно-религиозные цели и была далека от критики современного ей социального строя и выражения политических устремлений широких народных масс, тем не менее высказанные в ней идеи были в целом созвучны борьбе белорусского и украинского народов за национальное освобождение, за исторически необходимое воссоединение с великим русским народом в едином государстве. Наиболее известными из созданных в то время были такие произведения, как «Фринос» Мелетия Смотрицкого, «Казанье двое» Леонтия Карповича, «Диариуш» Афанасия Филипповича, «Палинодия» Захария Копыстенского. Смотрицким была создана также «Грамматика», которую М. В. Ломоносов, наряду с «Арифметикой» Магницкого, назвал «вратами учености».

Наиболее выдающимися представителями в области философской и общественно-политической мысли в XVII веке были Симеон Полоцкий и Казимир Лыщинский.

Центральное место в общественно-политических взглядах С. Полоцкого занимала идея воссоединения Белоруссии и Украины с Россией. В условиях всенародной борьбы белорусского и украинского народов против польских магнатов историческая заслуга мыслителя состояла в том, что он последовательно добивался единства восточнославянских народов.

К. Лыщинский первым на белорусской земле создал в XVII веке замечательный материалистический и атеистический трактат «О несуществовании бога». Он не только выступил с беспощадной критикой существующего феодально-крепостнического строя и освящавшей его церковной идеологии, но и заявил о себе как об одном из первых сторонников идей утопического социализма. Его взгляды явились продолжением как западноевропейской (Т. Мор, Э. Роттердамский), так и богатой местной гуманистической традиции (Ф. Моджевский, Н. Коперник, Ф. Скорина), а также идей свободомыс-

лия и атеизма, выдвинутых такими замечательными мыслителями XVI—XVII вв., как Дж. Бруно, Л. Ванини, А. Волан, С. Будный, К. Бекеш, С. Лован.

Один из виднейших идеологов Реформации в Белоруссии и Литве Андрей Волан (1530—1610 гг.) выступил с резкой критикой католической церкви и духовенства, традиционно-схоластического толкования «священного писания». Он осмеял систему обрядности христианской церкви с ее культом святых, постами, процессиями и т. д. А. Волан являлся горячим поборником веротерпимости, противником религиозного фанатизма, отстаивал гуманистический принцип духовной свободы человека. «Все люди рождены вольными существами,— писал он,— и вольны поступать так, как им подсказывает их совесть». Наряду с церковью А. Волан критиковал существующие феодальные порядки. Вместе с тем, как сторонник кальвинизма, он выступал с ограниченной общественно-политической программой, рассчитанной на ослабление влияния религии и церкви в жизни общества, на проведение умеренных реформ в социальных и политических отношениях, праве, государственном управлении.

С более радикальных позиций критиковал католическую церковь и отживающий крепостнический строй Сымон Будный, непримиримый противник господствовавшей феодально-церковной идеологии. Свободомыслие и рационализм Будного особенно ярко проявились в его критике Библии, на что не отваживалось большинство идеологов Реформации. В результате критического анализа библейских текстов мыслитель пришел к существенным философским выводам, важнейшими из которых были: отрицание божественного происхождения Христа, бессмертия души и потустороннего мира.

Критическая сторона учений А. Волана, С. Будного и других идеологов Реформации подводила передовую часть общества к идеям свободомыслия, способствовала возникновению в XVI веке в Белоруссии и Литве материалистических и атеистических идей, видными представителями которых были К. Бекеш и С. Лован.

Среди своих современников Каспер Бекеш (1520—1579 гг.) был известен как убежденный атеист, отрицавший существование бога, бессмертие души и другие догматы христианской религии. В анонимной стихотворной поэме, которая появилась после смерти Бекеша под пространным названием «Надпись и исповедание веры на

гробу благородного Бекеша, гетмана венгерского, умершего в Гродно и похороненного в Вильно на Лысой горе 18 ноября 1579 г.», о его взглядах говорится следующее:

Всего добился сам: не верю в бога;
В рай не тороплюсь, ада не боюсь,
Милосердия не прошу, о суде не забочусь;
У меня нет грехов, так же как и нет долгов.
Всю жизнь я надеялся только на себя и трудился не покладая рук.
Поэтому я не тревожусь относительно моего тела, а тем более моей души;
Она умерла вместе со мною, я это смело утверждаю...

Другим видным представителем материализма и атеизма в Белоруссии и Литве во второй половине XVI века был мозырский судья Стефан Лован. За свои радикальные взгляды в 1591 году он был вызван королем Речи Посполитой Сигизмундом II на суд главного трибунала в Вильне. В королевском «Позове одному русскому секты епикуровой» раскрыта сущность взглядов Лована. Из «Позова...» видно, что он отрицал библейскую легенду о создании мира богом из ничего, полагая, что мир существует вечно, отрицал бессмертие души, потусторонний мир, утверждал, что нет ни рая, ни ада. «Кому лихо — тут пекло, а кому добро — тут рай»,— говорил Лован.

Взгляды К. Бекеша и С. Лована были смелым и далеко не единичным явлением в идейной жизни XVI века. По утверждениям теологов, в Белоруссии в эпоху Возрождения и Реформации было немало атеистов. Однако их взгляды в то время еще не получили последовательного и систематического выражения. Это было сделано в следующем, XVII веке Казимиром Лыщинским.

ГОДЫ ЖИЗНИ

К. Лыщинский происходил из старинного дворянского рода, генеалогия которого прослеживается на протяжении длительного отрезка истории. Потомки Лыщинского собрали значительные архивные материалы, позволяющие проследить его богатую родословную. Они были подобраны в связи с тем, что в годы правления Николая I (1825—1855 гг.) на белорусских и украинских землях, входивших некогда в состав Великого кня-

жества Литовского, началась кампания по «разбору шляхты». От нее требовалось подтвердить документами дворянское происхождение своего рода, принадлежавшие ей имения и земли, представить поименную роспись всех своих родственников, живших и живущих, свидетельства о наградах и т. д.

В связи с этим и начали поиски документов далекие потомки К. Лыщинского, которые к тому времени проживали в Вилейском, Речицком, Мстиславском, Брестском, Лидском и других уездах, в Минске, имели государственные, гражданские и военные чины и звания, небольшие владения (в том числе и фабрику), были как католического, так и православного вероисповедания.

Так, мелкопоместные дворяне Вилейского уезда Матвей со своим сыном Иваном и Станислав Лыщинские их предком был Петр, родной брат Казимира Лыщинского) с начала XIX века ходатайствовали «об определении дворянства рода Лыщинских». Такое подтверждение раньше уже получил Николай (Андрей) Лыщинский — речицкий дворянин. В 1842 году записан в число дворян Мозырского уезда Антоний — потомок дяди К. Лыщинского — Лукаша. Матвей и Станислав вплоть до 1856 года отыскивали недостающие документы. Запись в журнале от 28 марта 1851 года гласит, что для определения дворянского происхождения мелкопоместных дворян Вилейского уезда Матвея и Станислава Лыщинских в деле недостает документов, свидетельствующих о том, что «никто из рода Лыщинских не был лишен силою закона права дворянского состояния...». О Казимире Лыщинском в этом документе находим одну строчку: К. Лыщинский не оставил после себя потомства (дочери не считались продолжателями рода).

В результате поисков в XIX веке оказались собранными в одном месте различные документы за 200 лет на многих лиц рода Лыщинских, начиная с XVI века[1]. Из архивных материалов видно, что род Лыщинских был древним, но не богатым. Все ближайшие предки философа проживали на Брестчине. Так, прадед Казимира Лыщинского — Лев Лыщинский владел вотчинным имением Лыщицы около Бреста, которое разделил поровну

---

[1] Дела находятся в Центральном государственном историческом архиве БССР в г. Минске (ЦГИА БССР), ф. 319, оп. 2, д. 1884 и др. Частично изданы. См.: *Лыщинский Л.* Род дворян Лыщинских. Спб. 1907.

между сыновьями — Константином, Станиславом и Иваном. После смерти Льва его жена Варвара Мыславская вступила во второй брак с помещиком Гроновским, выкупила свое родовое имение Доброниж и передала в наследство своим сыновьям от брака с Л. Лыщинским.

Дед Лыщинского — Константин Львович наравне с другими братьями имел земли и крестьян из этих двух родовых владений. У него, женатого на Анне Суходольской, были два сына — Иероним и Лукаш. Иероним Казимир Константинович Лыщинский (1581—1670 гг.) — отец Казимира Лыщинского. Кроме своих родовых имений Лыщицы и Доброниж он владел впоследствии и благоприобретенными — Кустынь, Мотыкалы, фольварками Галачев, на Подлясье — Челив, Горнов, Хрущев и крепостными крестьянами, пахотными землями, огородами в Марковщизне. Все это он разделил между своими сыновьями Матвеем, Казимиром и Петром «для согласия и любви братьев».

Отец К. Лыщинского на протяжении многих лет занимал ряд важных административных должностей. Об этом свидетельствует выписка из земских книг Брестского воеводства, где говорится, что пан Кристоф Крутицкий добровольной записью извещает о продаже «за долги» своего имения Кустынь, в Брестском воеводстве находящегося, «пану Иерониму Казимиру Лыщинскому, подстолию мельницкому, судьи городскому Брестскому... за деньги 700 злотых... 1652 года 1 мая»[1]. Эти же должности значатся и в его подписи под завещанием, составленным 22 июня 1666 года в Лыщицах: «Иероним Казимир Лыщинский, подстолий мельницкий судья Гродский, Брестский к сему разделу между сыновьями, родного брата моего при сем свидетелем был Лукаш Лыщинский, Матвей Лыщинский, Казимир Лыщинский, Петр Лыщинский, подчаший Мельницкий».

Мы об этом упоминаем, чтобы исключить путаницу, внесенную различными авторами. Так, в книге Л. Лыщинского «Род дворян Лыщинских» отмечается, что якобы Иероним Казимир Лыщинский в 1682 году получил от короля Яна Собесского место брестского подсудка. Это — неточность, на которую обратил внимание профессор Б. Я. Рамм. Он высказал сомнение в истинности такого утверждения, так как получается, что «король одновременно предоставил одну и ту же долж-

---

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 319, оп. 2, д. 1884, л. 54 и др.

ность отцу и сыну»[1]. На самом деле привилеем короля эта должность пожалована была самому Казимиру Лыщинскому, ибо отца уже 12 лет как не было в живых, а должность брестского городского судьи он занимал с 1652 года, брестским же подсудком был между 1666 и 1670 гг. Привилеем Казимиру Лыщинскому предлагалось вакантное место умершего Пшездецкого, занимавшего эту должность в 70-е годы. К тому времени К. Лыщинский уже очень хорошо себя зарекомендовал в военных кампаниях и на поприще общественной деятельности.

Иероним Казимир Лыщинский был женат на «благородной Софье Бабинской», имел четырех сыновей: старшего Матвея, Казимира, Петра и младшего Викентия. Матвей умер в 1673 году сравнительно молодым.

По мнению польских исследователей А. Новицкого, Ю. Веловского и других, Казимир Лыщинский родился 4 марта 1634 года в день св. Казимира, и по святцам наречен его именем. Место рождения достоверно указать нельзя. Из исторических документов известно, что его отец владел вместе с братом Лукашем двумя вотчинными поместьями — Лыщицы и Доброниж. Одно из них и следует считать местом рождения будущего философа.

Казимир получил хорошее по тому времени шляхетское воспитание. В детстве учился дома и в приходской школе, затем был отправлен в иезуитский коллегиум в Брест, где учился «на кошт иезуитов».

К этому времени католическая церковь почти полностью захватила в свои руки воспитание и обучение подрастающего поколения. При ее многочисленных монастырях — иезуитов, францисканцев, кармелитов, бернардинцев, бенедиктинцев — создавались школы. Обучение в них, как правило, было бесплатным. Это делалось для того, чтобы привлечь в монастырские школы больше молодежи и поднять их авторитет среди других учебных заведений. В действительности же шляхте приходилось платить за учение немалые деньги, которые вымогались различными методами. Так, кроме обязательных налогов и подаяний духовенству и монастырям в обычае были дары по поводу торжественных событий,

---

[1] *Рамм Б. Я.* Казимир Лыщинский — жертва религиозного изуверства // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.—Л. 1959. Т. 3. С. 182.

пожертвования по завещаниям, к праздникам, плата за определенные услуги. Это хорошо видно из «Духовного завещания» отца К. Лыщинского. В нем целая страница посвящена перечислению пожертвований разным монастырям, костелам, церквам, находящимся в Бресте и его окрестностях. В частности, отцам бернардинцам, доминиканцам и иже с ними по 18 злотых, «...отцам иезуитам 18 злотых и один пляц за Мухавцом, дабы два года — в неделю, в пяток за мою душу литургия отправляема была», на костелы по 15 злотых, на церкви по 10 злотых, а «на Лыщинскую церковь — 20 злотых и черные камлетовые рызы» и т. д.[1].

У иезуитов был и свой метод выманивания денег — они не скупились перед родителями или опекунами на похвалы своих учеников, их способностей и успехов. При этом они давали понять, что несут немалые расходы. И шляхта не оставалась в долгу — деньгами, натурой, трудом крепостных восполняла с избытком эти затраты. Иезуиты также всеми мерами склоняли своих учеников, преимущественно из богатых семей, к вступлению в свой орден. Таким образом они укрепляли свои позиции и авторитет в обществе и еще больше обогащались за их счет.

Иероним Лыщинский отдал Казимира, как наиболее способного из сыновей, в иезуитский коллегиум для продолжения учебы, желая видеть его образованным человеком. Сам он, как правоверный католик, выполнял все требования церкви, не задумывался над ее ролью в обществе. «Я, подсудок Брестского воеводства Иероним Казимир Лыщинский, считаю, что всякий человек от Господа Бога сотворен и на свете, долго или коротко живя, последнего конца жизни достигнуть должен, затем и я, волею и благодатью господа Бога проживши уже 89 лет... прошу тело мое грешное яко всевышний творец из земли сотворил, также земли предать и сынов моих прошу дабы похоронили у отцов Бернардинов, а также и моего сына Казимира прошу, чтобы он яко способнейши с сыном моим Петром имели полное старательство о погребении моего тела...»

Надо полагать, что малолетний Казимир был немало удивлен и обрадован, когда увидел и город Брест, где ему предстояло учиться, и кирпичное здание школы,

---

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 319, оп. 2, д. 1884, л. 52—54 об. Здесь и далее сохраняется орфография архивных документов.

выгодно отличавшееся от приходской, отмеченной печатью бедности и запустения. Все производило здесь хорошее впечатление: большие светлые классы и коридоры, площадки для физических занятий, просторные, чистые спальни, внимательные учителя и воспитатели, дисциплина и строгий порядок.

Но все это были внешние приметы. Ему, от природы одаренному способностью все быстро схватывать, понимать и желанием знать больше, воспитанному в семейной атмосфере трудолюбия, доброжелательства и честности, предстояло с детских лет многое прочувствовать и понять, чтобы отвергнуть всю сущность религиозно-иезуитского обучения, его фальшь, лицемерие и корысть.

В иезуитских средних школах обучение длилось девять лет. Они были рассчитаны на детей дворянства и готовили преимущественно будущих государственных чиновников, дипломатов, общественных деятелей и т. п. В отличие от других средневековых школ, где господствовала схоластика и муштра, новыми методами обучения они приближались к потребностям светской жизни. Наряду с учебными предметами в них много времени отводилось спортивным занятиям — конной езде, плаванию, фехтованию, а также обучению музыке и пению, танцам, различным играм, правилам поведения в обществе и т. п. Школа заботилась о здоровье и физическом развитии своих учеников, не перегружала их заданиями, не морила постами и молитвами, физические наказания не допускались. Питание было обильным и вкусным. Но все это было подчинено главной цели — воспитывать молодое поколение верным духу католицизма, способным везде отстаивать интересы католической церкви, ставить их выше своих личных, сословных, государственных, национальных интересов и целей.

Иезуитские коллегиумы делились на два отделения: младшее и старшее. Младшее состояло из пяти классов, причем последний был двухгодичным. В нем изучались «семь свободных искусств» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка) и два древних языка — латинский и греческий. Ученики младшего отделения должны были в совершенстве овладеть латынью. Не только в классах, но и вне их учащиеся обязаны были говорить лишь на латинском языке. В курсе грамматики и риторики попутно давались сведения по литературе, истории, географии. Позже элементы этих общеобразовательных знаний

стали даваться в специальном курсе — «эрудиции». Особое внимание уделялось выработке красноречия как средства ведения в будущем религиозной пропаганды. Из древнегреческих авторов изучались лишь философ Платон и баснописец Эзоп.

Старшее отделение имело обычно трехгодичный курс и давало почти такое же образование, какое получали на «артистических» или философских факультетах университетов. Главное внимание на старшем отделении уделялось философии (этике), приспособленной к религии, а также богословию.

Как видим, из школьной программы были исключены такие предметы, как физика, анатомия, природоведение, т. е. те, которые развивали логическое мышление и составляли основу знаний об окружающем мире.

В иезуитских коллегиумах царила строжайшая дисциплина, основанная на постоянном наблюдении со стороны наставников, на точном соблюдении учениками установленных правил и требований. В классах, залах для игр, в костеле во время молитв всегда присутствовали воспитатели и следили за учениками. Специальная инструкция не позволяла ученику ни на минуту оставаться наедине с самим собой: «никогда одному, редко двум, всегда троим». Чтобы ограничить влияние родных и близких, внешнего мира, в иезуитских школах летние каникулы были сведены в низших классах к одной неделе, в средних — к трем, в высших — к месяцу. На польском языке (местный, белорусский был вообще запрещен) разрешалось говорить только в низших классах, и то в воскресные и праздничные дни.

В практику иезуитского воспитания входило присутствие учащихся коллегиумов на публичных экзекуциях над еретиками, «ведьмами и колдунами». Они также участвовали и в погромах иноверцев (православных, протестантов и других). Среди учащихся была также развита система взаимной слежки и доносов по малейшему поводу: нарушения ими правил, разных вольных высказываний, самостоятельных оценок или мнений и т. п.

Все особенности иезуитской педагогики К. Лыщинский познал на себе. Но оценить их он смог позже. В начале же обучения Казимир был полностью поглощен учебой. Заниматься он любил, все давалось ему легко и быстро. Жажду узнать больше К. Лыщинский удовлетворял, читая все, что разрешалось. Он активно

участвовал в жизни своей школы — в диспутах, играх, выполнял и религиозные обязанности.

Обучение в иезуитских школах велось так, что исключалось все, что могло бы способствовать развитию самостоятельности и критичности мышления. Их питомцы не знали реальных нужд людей и действительной истории, были в стороне от происходящих событий. Из истории преподносилось им только то, что содействовало укоренению убеждений в незыблемости «единственно истинной и святой католической веры». Все это было направлено на воспитание верных до фанатизма слуг папского престола. Основная цель иезуитской педагогики, как и ордена в целом, сводилась к прославлению бога, к укреплению авторитета и позиций католической церкви в том государстве, где обосновывались отцы-игнатианцы.

Окончание обучения в Бресте совпало с бурными событиями того времени — началом национально-освободительной борьбы украинского народа под руководством Б. Хмельницкого. Решающее сражение крестьянско-казацкого войска с польско-шляхетской армией состоялось в сентябре 1648 года под Пилявцами (южная Волынь). Оно длилось несколько дней и закончилось победой украинской армии. Победа получила широкий отзвук и в Белоруссии, где также активизировалось национально-освободительное движение народных масс против польско-феодальной и католической реакции. Его поддержали пришедшие на помощь с Украины отряды казаков Антона Небабы, Михленко, Кривошапки. Восставшие заняли многие крупные города — Пинск, Туров, Мозырь, Гомель, Бобруйск, а также Брест. В это бурное время в семье Лыщинских решался вопрос о дальнейшей судьбе их сына Казимира (в 1648 году он окончил Брестский иезуитский коллегиум).

Литовские историки И. Юргинис и Ю. Барздайтис указывают, что К. Лыщинский после Бреста продолжил обучение в Виленской иезуитской академии и проучился в общей сложности 12 лет. Польский историк А. Новицкий утверждает, что Лыщинский продолжил образование в Кракове с декабря 1658 года. Причем после годичного пребывания в Кракове он четыре года занимается в студии г. Калиша [1]. Польский исследователь Ю. Веловский

---

[1] Студией называлась высшая специальная школа, готовившая педагогов для иезуитских коллегиумов.

пишет, что после иезуитского коллегиума шестнадцатилетний Лыщинский, как проявивший большие способности и с успехом окончивший его, направляется в студию (?) для трехлетнего изучения философии и подготовки себя к педагогической деятельности. Эти разноречивые мнения трудно совместить. Но с учетом некоторых архивных данных и документально подтвержденных фактов следует предположить еще один возможный вариант жизненного пути К. Лыщинского.

Со времени окончания Брестского коллегиума и до возвращения К. Лыщинского в родовое имение в начале 1666 года прошло более 17 лет. За неимением точных сведений, последовательно освещавших его жизнь и учебу в эти годы, укажем лишь некоторые факты, которые хронологически относятся к этому периоду.

В упоминавшемся уже привилее польского короля Яна III, выданном К. Лыщинскому на должность брестского подсудка 3 мая 1682 года, отмечаются его военные и гражданские заслуги, доказывающие «верность» и «приверженность» отечеству, когда «...от юных лет своих как в коронном войске под знаменами прославленного покойного полевого писаря Ивана Сапеги постоянно приобретал, так и после того в Литовских войсках с покойным князем подканцлером Великого княжества Литовского в войну Московскую, Шведскую и Венгерскую с пренебрежением здравия и пожертвования состояния своего»[1].

Учитывая свидетельство этого документа и особенно слова «от юных лет своих», следует предположить, что после окончания Брестской иезуитской школы К. Лыщинский находился на военной службе.

Затем он продолжил свое образование, был в иезуитском ордене, педагогом в школе. Факт пребывания Лыщинского в ордене подтверждается речью прокурора С. Куровича, который говорил, что он был в ордене «Общество Иисуса». В нем «оставаясь длительное время он сам, обучая в школах, получил духовное посвящение...». Вероятно, это было в 50-е годы, после службы в армии. А. Новицкий обнаружил в итальянских архивах несколько документов, уточняющих некоторые факты и события из жизни К. Лыщинского. В одном из писем к Медичи, современнику Лыщинского, варшавянин Томмазо Таленти сообщал, что начался процесс по криминальному делу

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 319, оп. 2, д. 1878, л. 75.

литовского дворянина, который обладал острым умом и в своих сочинениях отрицал существование бога, был восемь лет иезуитом. А. Новицкий в своей книге «Лекции по критике религии в Польше» пишет, что «в 1658 году встречаем Лыщинского в Краковском иезуитском монастыре: 7 декабря он принят послушником». Послушники (новиции — от латинского novicius — новый, молодой) — лица, готовившиеся к зачислению в орден иезуитов. Вступление не было простым актом, оно являлось длительным нравственным, психологическим и физическим испытанием. Система подготовки была рассчитана на то, чтобы привести вступающего к отказу от собственной воли, суждений, желаний, к слепому подчинению приказам старших и предписаниям церкви, чтобы быть как «труп или посох». От новициев требовали полного разрыва светских связей и отношений с родными, близкими и друзьями. В программе подготовки все было глубоко продумано, расписано: молитвы, размышления, отдых. Особое внимание уделялось духовным упражнениям, режиму питания, психологической обработке.

Применялись различные средства воздействия: темнота или свет, тепло или холод, вкусные блюда или воздержание от пищи, полное голодание. До мелочей предписывалось, с какими мыслями должны были послушники засыпать, с какими чувствами и представлениями просыпаться, какими жестами сопровождать те или иные мысли и чувства. Последние четыре недели как бы подводили итог этому обучению и были особенно регламентированы и насыщены духовными упражнениями, разработанными самим основателем ордена Игнатием Лойолой. Так, в первую неделю нужно было размышлять о собственной греховности, во вторую — о жизни Иисуса, в третью — о его страданиях и в четвертую — о воскресении Христа. При этом предписывалось, как думать о своих грехах, как представлять адские мучения или же различные факты из жизни Христа. Поощрялось усердие в доведении себя до особых чувственных воображений, галлюцинаций, разного рода видений. Все это было рассчитано на формирование нужного психологического настроя, подчинение требуемому кругу мыслей и привычным чувствованиям новициев, которые бы путем отказа от своего «я» служили интересам церкви и ордена. К. Лыщинский на себе испытал все эти методы иезуитской педагогики.

Одновременно с послушничеством в Кракове он гото-

вится (в высшей иезуитской школе) к педагогической деятельности. А через год переезжает из Кракова в Калиш и продолжает учиться в четырехлетней иезуитской высшей школе. В 1661—1662 году изучал риторику у Яна Квяткевича, в 1662 — логику, в 1663 — физику, в 1664 — метафизику под руководством иезуита Яна Моравского.

По окончании студии в Калише К. Лыщинский — помощник ректора иезуитского коллегиума в Бресте. А. Новицкий утверждает, что в 1666 году он — «студент теологии во Львове и там после 8-ми лет пребывания в ордене — выходит из него». Это расходится с фактами. Трудно представить, чтобы в 32 года он снова начал учиться, да к тому же в год выхода из ордена. Возможно, он оказался в это время во Львове, чтобы оформить свой выход из ордена.

В 1666 году К. Лыщинский вернулся в родные места, женился на Ядвиге Желиховской, получил в наследство часть имения Лыщицы. Об этом свидетельствует завещание его отца (от 22 июня 1666 г.), где отмечается, что к этому времени Казимир был уже женат: «...а имея трех сыновей лет совершенных Матвея, Казимира и Петра браком сочетанных Лыщинских, а желая оных к любви родительской присоединить, имение наследственное мое Лыщице в Брестском воеводстве состоящее, вышепоименованным трем сыновьям моим в равный раздел при жизни моей уступаю...»[1]. Казимир вместе с братьями своими Матвеем и Петром, подчашим мельницким, значатся как свидетели, присутствовавшие при написании этого завещания. Оно было вписано в городские книги в 1666 году. Видимо, возвращение К. Лыщинского домой, его женитьба поставили вопрос о выделении ему причитающейся части наследства. На семейном совете все мирно обсуждалось, и с согласия всех был произведен раздел вотчинных владений с описанием того, что кому принадлежит.

Тридцатидвухлетний Казимир Лыщинский оказался в сфере интересов и забот повседневной жизни. После смерти отца он занял его место подстолия мельницкого. Уже в январе 1673 года он значится в этой должности, о чем свидетельствует завещание его брата Матвея. Перечисляя свои долги, последний отметил: «брату моему мельницкому подстолию Казимиру Лыщинскому 90 злотых, мельницкому подчашему моему брату Петру Лыщинскому — 100 злотых».

---

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 319, оп. 2, д. 1884, л. 52.

На родине К. Лыщинский занялся активной хозяйственной, научной, педагогической и общественно-политической деятельностью. Род Лыщинских пользовался уважением шляхты Брестского воеводства. Молодой и энергичный К. Лыщинский выделялся своей эрудированностью, талантом общественного деятеля. Он быстро завоевал большой авторитет в своей среде. Шляхта Брестского воеводства неоднократно избирает его послом на Варшавский сейм. Так, 19 января 1669 года на сеймике Брестского воеводства он был избран депутатом на Варшавский сейм для выборов короля (2 мая — 16 июня), на этот раз — Михаила Корибута Вишневецкого. В августе 1669 года и сентябре 1670 года К. Лыщинский участвует в работе очередных сеймиков Брестского воеводства. В 1672 году на одном из них он выдвигается послом на Варшавский сейм, в работе которого и участвовал с 4 января по 8 апреля 1673 года. В ноябре 1673 года умер король Михаил Вишневецкий. Предстояли выборы нового короля. К. Лыщинский в третий раз отправляется в Варшаву на сейм от шляхты Брестского воеводства. Вместе с ним на сейм едет и его дядя Лукаш Лыщинский. Сейм проходил с 20 апреля по 19 мая 1674 года. Королевский престол занял Я. Собесский. Историки свидетельствуют, что Ян III Собесский знал К. Лыщинского лично, ценил его как общественного деятеля, выдвигал на ответственные должности.

В привилее от 22 марта 1682 года, назначая К. Лыщинского на вакантную должность подсудка брестского, Ян III отмечал, что он «в совете республики» как посланник на сейм «от братей» «всегда у престола королевского и в делах республики представительствовал и ныне подобным заслугам охотно предан... «Дабы не только прежние заслуги подданного нашего вознаградить, но и напредь к иным поощрить постановили мы... утвердить для него должность подсудка Брестского и... ту же должность... помянутому Казимиру Лыщинскому до ныне подстолию мельницкому и судьи городскому Брестскому жалуем и конфирмуем — доколе ему высшая должность по благоволению нашему не будет предоставлена. Затем отныне имеет право и властен будет тот же благородный Лыщинский по выполнении присяги в отправление должности вступить преимуществами и доходами сей должности присвоенными пользоваться»[1].

---

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 319, оп. 2, д. 1884, л. 75 об.

На этой должности К. Лыщинский был объективен и справедлив. Много судебных дел он провел в пользу истцов — мещан и шляхты, судившихся с иезуитами из-за захвата последними земель своих должников или умерших прихожан. В некоторых документах встречается его подпись как «комиссара Его королевской милости». Общественная деятельность приносила ему удовлетворение, снискала прочный и высокий авторитет среди дворянства Брестского воеводства, уважение и гордость родных и близких.

В это же время Казимир Лыщинский продолжает работу на педагогическом поприще. В родовом имении он стал преподавать в местной школе языки, основы наук, учил детей шляхты и крестьян счету, чтению и письму. Эта школа отличалась от других по своему духу и по содержанию обучения, которое было демократичным и светским, безрелигиозным. О характере преподавания в ней говорит один из фактов, которые приводил в своей речи на Варшавском процессе королевский прокурор С. Курович: «Этот безбожный учитель, а скорее чудовище или страшилище природы, засел на кафедре порока и сразу же убрал из своей школы таблицу, на которой было написано, хотя и языческим писателем, но с мыслью о боге, по-христиански». Как следует из речи Куровича, К. Лыщинский снял с фронтона школы надпись с изречением древнего мыслителя: «Когда среди философов поднимается вопрос об изучении природы богов, то лучше всего признать, что мы об этом ничего не знаем». Это является перефразированием высказывания древнегреческого философа Протагора, который свое сочинение «О богах» начинает словами: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковые они по виду. Ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни»[1]. Высказывание самого Протагора содержит сомнение в существовании бога, за что он поплатился жизнью. У брестского учителя не было и тени сомнения в вопросе о природе богов. Он преодолел скептицизм древнего мыслителя, считал богов химерическим творением людей. К. Лыщинский как педагог, познавший на себе тлетворность воздействия иезуитской педагогики, утверждал в своей школе иные принципы и методы обучения и воспитания,

---

[1] Античные философы. Свидетельства. Фрагменты. Тексты. Киев. 1955. С. 123.

что шло вразрез с существующей школьной практикой. Он не только исключил обучение детей по Катехизису, но и объявил религиозную мудрость ложью, учил детей истинным знаниям о природе и законах, по которым она развивается. Он показывал, что законы природы опровергают утверждения «лжемудрецов» о богах-творцах и управителях окружающего мира и человека.

Новизна в обучении и смелость были настолько необычны в тот период, когда религия господствовала во всех сферах общественной жизни, что не могли долго оставаться незамеченными. Да к этому К. Лыщинский, гордый своим свободным знанием, и не стремился. Как свидетельствуют многие разнообразные источники и факты, Лыщинский не скрывал своих взглядов, делился смело и открыто с близкими, соседями и учениками своими знаниями, атеистическими идеями. После ухода из иезуитского ордена К. Лыщинский начал, по словам С. Куровича, «заражать этой наукой... невинные умы молодых и зрелых людей». Это влияние было действенным даже в тех условиях. Вот один из многих фактов. Не без влияния Лыщинского, видимо, его старший брат Матвей в своем завещании пишет, что «кроме смерти нет ничего», поэтому завещает его похоронить просто, без особых церковных ритуалов, обед приготовить только для нищих, чтоб «тело как найхуже в гроб убрано было», а разным монастырям жертвует по одному талеру. Характер его завещания существенно отличается, например, от приведенного уже завещания отца Лыщинского, наполненного заботами о будущем своей души. Завещание Матвея отражает его беспокойство о судьбе жены — Катерины Букрабянки, малолетних сыновей Гавриила и Владислава, опеку над которыми поручает братьям Казимиру и Петру. Он обеспокоен реальными делами.

Таким образом, ■ период католической реакции XVII века на брестской земле во владениях дворянина К. Лыщинского, передового мыслителя и педагога, действовала школа с атеистической направленностью обучения. Этот факт трудно переоценить, он уникален.

В годы своей активной педагогической и общественно-политической деятельности Казимир Лыщинский усиленно занимается изучением и чтением теологических, преимущественно протестантских, и философских сочинений разных античных и современных ему авторов, в том числе включенных в папский «Индекс запрещенных книг». Свободный от авторитета «всевышнего» и религи-

озных авторов и деятелей, он создал на латинском языке труд «De non existentia Dei» («О несуществовании бога»). В нем К. Лыщинский обобщил, уточнил и усилил аргументацию многих писателей и ученых — атеистов прошлого и его современников. Он собрал и изложил доказательства теологов в пользу существования бога. Последовательно опровергая их одно за другим, К. Лыщинский всякий раз укреплялся в своем атеистическом выводе: «Ergo non est Deus» («следовательно, бога нет»). Это сочинение было написано на 265 листах (530 страницах) убористым почерком. Часть его была сожжена во время казни, судьба остальной части остается неизвестной до сих пор.

Энергия и знания К. Лыщинского, организаторские способности, ум, свободный от предрассудков, проявились и в хозяйственной деятельности. Он получил небольшую часть вотчинного имения, выделенную ему отцом. Представляют несомненный интерес сведения о доставшихся К. Лыщинскому землях, о соседях-дворянах, крепостных крестьянах. Теперь, видимо, сложно было бы восстановить границы имения по сохранившемуся в архивных документах описанию. Но оно ценно уже потому, что оставляет надежду определить место дома (селища) с тем, чтобы на родине К. Лыщинского увековечить память о нем. С этой целью мы приведем выдержку из завещания Иеронима К. Лыщинского. В нем он писал: «...имение наследственное мое Лыщице в Брестском воеводстве состоящее... трем сыновьям моим уступаю, и вотчиничество моего срекаюсь... Другой родной наш, пан Казимир Лыщинский взял себе усадьбу за сажалкой на навозах возле гг. Волковыских, выделенную при которой сеножать возле заросли олешника, где и его Селище, при почтовой дороге возле границы гг. Волковыских... поля пахотные в одной большой змене резы возле границы гг. Волковыских состоящих; в другой змене часть пахотной земли возле границы г-жи Прыжигоцкой от почтовой дороги Высокого по Известник, а с другой стороны о межу с родным братом Петром, в длину идущей, оканчивается в поперек межи поля до сей змены, часть поля в Пуздыхове при полях родных братей от Шитних лежащая; в деревне же Михновщизне согласно родительского раздела пустой земли пол уволоки, крестьяне, именно: Васько Королькович с одним малолетним сыном, с парою волами; Устин Королькович с парою волами и эти обои на пол уволоки...

...С строения же дворового согласно того же родительского роздела мне Матвею достались изба бела, жилой дом с середины выбелен с гостинним, сеньми и флигель старый; Казимиру весь амбар дву стажны, Петру флигель с сеньми, который сам строил; а гумно с прочим строением поделенным, каждый свою часть получить имеет»[1].

Как видно из этого документа, немногое досталось К. Лыщинскому в наследство. Но он с успехом ведет свое хозяйство, приумножает его, богатеет сам, оказывает помощь родным братьям и соседям, дает им взаймы деньги. Этим он вызывал иногда и недобрую зависть. Например, один из его ближайших друзей и соседей браславский стольник Ян Казимир Бжоска был должен ему довольно значительную сумму — 100 тысяч талеров[2]. На таких деталях можно было бы не заострять внимание читателей, если бы они не сыграли в дальнейшем зловещей роли в жизни К. Лыщинского.

Разрыв с орденом иезуитов произошел не под влиянием каких-то обстоятельств жизни, внешних поводов. Несогласие с идеологией и деятельностью членов ордена возникло в результате духовного роста, явилось следствием нового открывшегося ему понимания сущности бога, христианства, религии вообще. Уже в калишской студии пытливый ум К. Лыщинского привел его к ошеломляющим выводам о несуществовании бога. Это открытие круто изменило ход его мыслей, определило дальнейший жизненный путь.

На всех его поступках лежит печать духовной раскованности и свободы от религиозных предрассудков. В решении многих личных и общественных вопросов проявляются его сильная воля и реализм, принципиальность и цельность натуры. Для примера отметим некоторые. Будучи зажиточным дворянином, занимая видное общественное положение, К. Лыщинский тем не менее в соответствии со своими взглядами жертвовал на костельные дела мизерные суммы (три флорина в год). Свою дочь он выдал замуж за дворянина Добронижского, близкого родственника, что запрещалось церковью. К. Лыщинский был сурово осужден луцким епископом Яном Витвицким. В ответ он писал, что костельные запреты на браки между родственниками не имеют значения, так как брак есть

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 319, оп. 2, д. 1884, л. 53 об., 54 об.

[2] *Nowicki A.* Profili scelti di pensatori polacchi. Napoli. 1973. S. 225.

союз гражданский, уговор светский. Дело закончилось отлучением Казимира Лыщинского от церкви 30 августа 1686 года.

В 1687 году на сеймике Брестского воеводства, посвященном выборам кандидата на должность подсудка Брестского земского суда, произошло столкновение между группами дворян. В порыве спора К. Лыщинский со свойственной ему твердостью и прямотой высказывал свои атеистические взгляды, которые были восприняты присутствующими как ужасные[1]. Это наиболее явные и зафиксированные действия, которые вызывали отрицательную реакцию и осуждение. А сколько было повседневных поступков, идущих вразрез с религиозным общественным мнением, с общепринятыми требованиями христианской традиции.

В обстановке общей непререкаемой религиозности, всевластного господства католической церкви К. Лыщинскому по мере укрепления его атеистических взглядов все труднее и труднее становилось приспосабливаться к окружающей его жизни. Все резче обострялись противоречия между атеистическим мировосприятием и господствующей религиозной идеологией. Сложнее становилось жить двойной жизнью, ибо он уже был твердо убежден, что никаких богов не существует, что человек сам себе хозяин и бог. Пока атеизм мыслителя, педагога и общественного деятеля был его личным делом, внутренним убеждением, он жил относительно спокойно. Но как только начал, по выражению его обвинителей, «заражать этой наукой как ядовитой отравой» окружающих людей, жизнь его оказалась в опасности. Но иначе он не мог. Опьяненный бурной деятельностью «на пользу посполитству», ■ течение 20 лет укрепившись в своих атеистических взглядах, выстраданных в молчаливом споре с теологами при написании своего труда, добившись благодаря познаниям и способностям успехов, благосостояния и признания, он с такой же энергией стал распространять свои атеистические знания, которые переполняли его. Он передавал их в школе своим ученикам, раскрывал глаза окружавшим его взрослым людям, доверительно делился своими сокровенными мыслями с друзьями, соседями, знакомыми. Он агитировал везде — в церкви, на сеймиках, в гостях, забыв об осторожности, о времени, в какое жил, забыв о существовании иезуитов...

---

[1] ЦГИА БССР в Минске, ф. 1705, оп. 1, д. 22, л. 943.

Назревал конфликт, серьезное столкновение с миром ревностных охранителей религии. Иезуиты не простили измены своему бывшему собрату... Но как сам К. Лыщинский, достаточно хорошо зная их по собственному опыту и из литературы, потерял бдительность? Почему отлучение от церкви не насторожило его? Потому, видимо, что вся иезуитская наука, муштра не сделали его тем, кем они делали тысячи себе подобных,— безропотным слугой и орудием католической церкви. Живой ум К. Лыщинского не мог подчиниться религиозным догмам, не принял иезуитскую мораль. Честность и благородство его натуры не могли мириться с их разлагающим влиянием на человека и общество. Вырвавшись из омертвляющей атмосферы ордена и отдавшись полнокровной человеческой жизни, он забылся.

Но об атеисте не забыли иезуиты, как вообще не забывали они никогда тех, кто их оставлял. Можно предположить, что за К. Лыщинским все время зорко следили слуги Иисуса. Не исключено, что его ближайший сосед и друг детства Ян Бжоска выполнял неблаговидную роль шпиона, к которой его подготовило иезуитское воспитание. К тому же брат Бжоски, Гедеон, был членом ордена иезуитов, и, видимо, не без его участия составлялся план расправы с К. Лыщинским именно как с преступившим обеты ордена. Это заключение можно сделать на основе красноречивого высказывания королевского обвинителя С. Куровича по поводу ухода К. Лыщинского из ордена: «Это вызвало божье проклятье, неотступно следующее как тень за человеком, за теми, кто уходит из ордена; пал этот гнев и божья кара на беглеца из ордена...»[1].

Духовенство всегда сурово расправлялось со своими идейными противниками, трусливо прикрываясь именем бога, выдавая свою жестокость за якобы заслуженное и справедливое божье наказание. Религиозным благочестием оправдывались бесчеловечность, произвол, любое преступление во имя всемилостивейшего бога. Это ли не пример лицемерной сущности религиозной морали?

Налицо были все условия для расправы. Случай подвернулся самый неожиданный — К. Лыщинский попросил Бжоску вернуть ему долг. Сосед не был готов к этому, да и не хотел, видимо, рассчитываться с ним. Не без согласия Бжоски иезуиты разрабатывают план: распра-

---

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Мн. 1962. С. 297.

виться с К. Лыщинским на основе публичного обвинения последнего в атеизме. В этом коварном союзе каждый преследовал свои неблаговидные цели: иезуиты — жестоко наказать изменившего ордену, Бжоска — не платить долг.

Бжоска по-прежнему, пользуясь доверием К. Лыщинского, поддерживал с ним хорошие отношения, а последний, ни о чем не подозревая, не прекращал с ним дружбы. Вскоре Бжоске удалось выкрасть у мыслителя 15 тетрадей его рукописи «О несуществовании бога», а также книгу известного протестантского теолога XVII века Иогана Генриха Альстеда (1588—1638 гг.) «Естественная теология» с пометками на полях, сделанными рукой К. Лыщинского: «Мы, атеисты, так думаем», «Следовательно, я показываю, что бога нет», «Занимается словоблудием и плетет, что на язык попадет, этот легковерный глупец» и т. д. На основе этих материалов на К. Лыщинского был составлен донос и отправлен виленскому епископу К. Бжостовскому. Духовные власти арестовали К. Лыщинского и начали готовить над ним расправу. Впоследствии К. Лыщинский писал об этом времени: «Я, находясь дома, ни о чем не зная, обвиненный без оповещения, без доказательств, был схвачен, ограблен и посажен в тюрьму, и я тем более несчастливый узник, что невиновен».

Да, действительно, в чем вина К. Лыщинского? В том, что он думал не так, как епископ К. Бжостовский, как иезуиты, и жил честно, активно, на пользу людям, не делая никому вреда? Вина К. Лыщинского — в инакомыслии, в том, что он видел дальше других, дальше своего времени. Глубокий мыслитель нашел в себе силы и волю порвать с тем, в чем видел ложь, сознательный обман, мрак и духовно-нравственное разложение. Он не смог защитить себя, попав в ловко расставленные сети иезуитов. Слишком крепкими они были в те времена.

„СЛЕДОВАТЕЛЬНО, БОГА НЕТ“

Иерархи католической церкви в Речи Посполитой переполошились, получив донос об атеизме К. Лыщинского. Такого действительно еще не встречалось. Выступить не только против каких-либо христианских положений, а посягнуть на саму мысль о существовании бога и отвергнуть прямо, без оговорок его бытие как сверхъ-

естественную реальность! И не просто отрицать или случайно оговориться, но логическими доводами, последовательно обосновать свои утверждения, убедительно доказать, что бога нет.

К. Лыщинский это сделал, опираясь на мировую и отечественную атеистическую традицию, на запрещенные книги. Простое перечисление имен выдающихся атеистов, предшественников и современников К. Лыщинского — У. Дакосты, Ф. Санчеса, Дж. Бруно, Т. Кампанеллы, Л. Ванини, М. Эффенди, М. Кнутсена, Т. Гоббса, Б. Спинозы говорит о богатой атеистической традиции, о многообразии выступлений против религии вообще. Интеллектуальная атмосфера XVII века уже была наполнена проблесками свободной мысли. Как образно выразился Ф. Энгельс, «население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья»[1].

Чем больше К. Лыщинский изучал культурное наследие прошлого, тем больше убеждался в правоте атеистического жизнеутверждающего взгляда на человека и природу. Можно сказать, что всю жизнь К. Лыщинский провел в научных исканиях. Особенно любил он заниматься философией, историей, естествознанием. Немецкий историк Сейлер свидетельствует, что даже в годы обучения в иезуитском коллегиуме, в условиях, которые никоим образом не могли способствовать развитию критической мысли, мышление Лыщинского было направлено на «всевозможные грешные вопросы и парадоксальные суждения о боге, ангелах и религии».

Мы располагаем незначительными фрагментами — пятью тезисами — из его рукописного наследия, из тех 15 тетрадей, которые приложил Бжоска к доносу в качестве доказательств атеизма К. Лыщинского. Поэтому так ценны каждый оттенок мысли, каждое слово, каждая идея К. Лыщинского, те источники, которые он читал и изучал, те имена, которые так или иначе с ним связывают. Его тезисы настолько емки, что убедительно свидетельствуют о глубине, обоснованности, прочности и бескомпромиссности атеистического миропонимания К. Лыщинского, сторонника научного объяснения мира.

К. Лыщинский творчески читал и изучал наследие мыслителей. Он не следовал слепо за ними в поисках истины в сложном лабиринте познания, а выбирал то, что было созвучно всему критическому настрою его ума.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 283.

Казимира Лыщинского можно считать одним из первых материалистов в истории философии нового времени. Его атеизм предполагал признание существования вечной природы как первоосновы.

Основной вопрос философии — об отношении мышления к бытию — и в средние века, и во времена К. Лыщинского, как об этом пишет Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», ставился и решался в острой форме: создан ли мир богом или он существует от века? Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали на этот вопрос. Те, которые признавали сотворение мира, составляли идеалистический лагерь, а те, которые основным началом считали природу,— материалистический. Многие факты и рассуждения самого К. Лыщинского говорят о том, что он материалистически решал основной вопрос, ибо отвергал факт сотворения мира богом из ничего.

Центральным понятием, из которого исходил К. Лыщинский и которое он поставил на место бога, была «природа». Об этом имеется ряд свидетельств тех, кто читал его рукопись «О несуществовании бога». Иезуит И. Запольский, первым ознакомившийся с ней, писал, что К. Лыщинский «все выводил из природы», утверждая, что причины всяких явлений, как обычных, так и необычных, лежат в природе, являются результатом ее действий [1]. Королевский прокурор также обвинял К. Лыщинского в том, что он «бога с неба и со всей земли изгнал». Брестский подчаший Петр Станислав Грек в «Протесте» от 1690 года писал, что «Казимир отрицал акт творения мира богом»[2]. Эти высказывания показывают К. Лыщинского решительным противником религиозного объяснения происхождения природы. Он отверг библейскую легенду о сотворении мира и признавал природу вечной, не имеющей конца, никакой внешней силой не созданной, развивающейся по своим естественным законам. Калишский воевода Р. Лещинский, выступая на сейме, требовал смертной казни К. Лыщинскому за то, что он отрицал творение мира богом из ничего, признал бесконечной материю.

К. Лыщинский уже на уровне развития науки своего времени смог усвоить взгляд на природу как на реаль-

---

[1] *Nowicki A.* Profili scelti di pensatori polacchi. S. 233.
[2] ЦГИА БССР в Минске, ф. 1705, оп. 1, д. 22, л. 943 об.

ность, находящуюся в постоянном движении и развитии. Этот тезис выдвигали еще античные философы. К. Лыщинский видит источник этого развития и движения не вне природы, а в ней самой. Вместо теологических толкований происхождения и развития окружающей природы К. Лыщинский дает реальное, строго причинное объяснение мира. Ф. Энгельс видел величайшую заслугу философии XVII—XVIII веков в том, что «несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего»[1]. Можно отметить, что в отличие от Б. Спинозы, у которого природа отождествлялась с богом и поэтому сама себя создавала как творящая божественная сила, К. Лыщинский, отвергая бога как творца мира, признает за самой природой роль творца. Природа сама является причиной самой себя, произошла по своим собственным законам и не нуждается ни в какой сверхъестественной силе. Это не только материалистический подход, но и попытка диалектически осмыслить существующую природу, бытие. Таковы важнейшие философские положения, лежащие в основе атеизма К. Лыщинского: природа вечна и бесконечна, никем не создана, развивается по естественным законам. Свои взгляды К. Лыщинский выражал четко и открыто, стремясь к цели, которую хорошо выразил Лукреций Кар: «Учу я великому знанью, стараясь Дух человека извлечь из тесных тенет суеверий».

Атеизм брестского мыслителя логически вытекал из его материализма, не оставляющего никакого места и никакой роли богу в природе и никаким иным сверхъестественным силам. Эти идеи характеризуют К. Лыщинского как стихийного материалиста. Он утверждал, что бог — плод фантазии, воображения человека. «Человек — создатель бога, а бог — творение и создание человека. Таким образом, люди — творцы и создатели богов, и бог является не действительной сущностью, а творением разума, и к тому же химерическим; поэтому бог и химера — одно и то же»[2]. Здесь нужно отметить последовательный ряд суждений К. Лыщинского о природе

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 350.

[2] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 286.

бога, заключающихся в следующем: 1) бог не является действительной сущностью; 2) бог есть творение человека, его разума; 3) бог — творение химерическое, вымышленное, не соответствующее ничему в действительности. Таким образом, сказать только, что бог есть создание человека,— еще не все сказать о сущности бога. Человеческая мысль и воображение создают много полезного, хорошего, высокого. К. Лыщинский же охарактеризовал бога как «творение химерическое». Это не случайно пришедшие на ум слова.

Нам представляется, что слова «химерическое», «химера» в употреблении К. Лыщинского несут более определенную смысловую нагрузку, чем просто «вымысел», «фантазия», как в современном понимании. Эти слова у К. Лыщинского как бы конкретизируют содержательный характер человеческой фантазии. Во времена К. Лыщинского «химера» имела одно значение. Так называлось чудовище, опустошавшее Ливию. И в одном из мест его трактата встречалось такое определение бога: «Бог есть чистая Химера» («Deus est mera Chimaera), т. е. настоящая Химера, жестокое чудовище. Итак, по мнению К. Лыщинского, человек только в своем воображении создал бога и наделил его такими чертами. В данной трактовке К. Лыщинский углубил положение античного философа-атеиста Ксенофана о том, что люди создали богов по образу и подобию своему. К. Лыщинский как бы приписал богу черты, свойственные не человеку, а чудовищу. Тем самым он низвергнул бога с «недосягаемого пьедестала», возведенного христианскими богословами, которые ему придали эпитеты «всемогущий», «всевидящий», «всезнающий» и т. п.

Слова «химера», «химерический» употреблялись К. Лыщинским часто для определения сущности бога. Бога в реальности нет, ибо бог есть химера, следовательно, неправда и то, что он — творец мира и человека. Наоборот, слово и понятие «бог» употребляют люди, значит, они и являются творцами богов. Эту основную атеистическую мысль К. Лыщинского передают разные люди, либо знакомые с его сочинением, либо оказавшиеся свидетелями процесса над атеистом.

Обнаружен даже источник, из которого К. Лыщинский заимствовал идею о человеческой природе богов. Это — сочинение иезуита Я. Моравского, являвшееся курсом философии, который он читал в Калише. Я. Моравский учил своих питомцев, К. Лыщинского в том чис-

ле, разграничивать бытие реальное от мыслимого и химерического. И интереснее всего, что излюбленным примером «бытия химерического» у него был «бог»! Логика рассуждения Я. Моравского была ортодоксальной: бог существует вечно, его бытие реально. Однако человек может представить его только мысленно. Это уже будет не реальный, а другой бог — химерический [1]. Именно по аналогии с этим «другим богом» критический ум К. Лыщинского пришел к отрицанию существования и «первого», «реального вечного бога». Благочестивые рассуждения иезуита либо дали толчок к критическому отношению к религии и изучению трудов атеистов, либо окончательно прояснили ту атеистическую форму, в которую К. Лыщинский, как уже сформировавшийся мыслитель, облек свои мысли. В любом случае есть основания утверждать, что перелом в мировоззрении К. Лыщинского наступил во время его учебы в Калише.

Итак, в действительности нет никаких богов, их человек создает сам, своей фантазией. Поэтому К. Лыщинский называет бога не иначе как творением разума, чистым вымыслом, пустой святостью, наконец, химерой. Отрицание существования бога на основе анализа его подлинной сущности является высшим достижением атеизма К. Лыщинского.

Материалистическое понимание природы бога явилось основанием для пересмотра религиозных заблуждений. К. Лыщинский отвергает одну из основных идей религии — бессмертие души, считая ее фантастическим представлением людей. Человек смертен, смертна и его душа. Она умирает вместе с телом. Ничего другого, никакой особой духовной, бессмертной субстанции как таковой не существует вне самого человека. Этим, по мнению обвинителя, он как бы унизил божье творение и сравнил «человеческие разумные и бессмертные души со скотскими». В этом смысле К. Лыщинский как бы предвосхитил антирелигиозное саркастическое сравнение Вольтера — «никто не решится утверждать, что блоха обладает бессмертной душой, следовательно, не обладает ею никакое животное, не обладает и человек». Своим утверждением, уравнивающим человека со всем сущим, К. Лыщинский как бы приближал его к природе, делая его ее творением. Потребовалось еще 150 лет, чтобы раскрыть

---

[1] *Nowicki A.* Wykłady o krytyce religii w Polsce. Warszawa. 1965. S. 55—58.

механизм природного «творения» — эволюцию живого мира путем естественного отбора.

О силе атеистических убеждений К. Лыщинского красноречиво говорит тот факт, что он просил похоронить его не по христианскому обычаю, а сжечь тело, пепел захоронить в родной деревне, на месте погребения положить камень с антирелигиозной эпитафией.

Из критических рассуждений К. Лыщинского по поводу богословских доказательств существования бога до нас дошло только одно. Он опровергает тезис теологов о врожденности религиозного чувства, якобы присущей человеку божественной идее как неопровержимом свидетельстве бытия бога. Вот аргументация атеиста: «Однако мы не находим ни в нас самих, ни в других этого веления разума, укрепляющего нас в откровении божьем, ибо если оно в нас было, то все бы согласились, не сомневались и не возражали против писания Моисея и Евангелия (которое ложно) и не было бы различных изобретателей разных сект и их приверженцев — магометан и т. д.»[1]. К. Лыщинский отметает, таким образом, черты всеобщности и необходимости, которые должны быть присущи самому богу, как всемогущему творцу, и его творению — людям. Но в действительности людям не свойственна никакая божественная идея, иначе она как-нибудь проявилась бы. Следовательно, если нет этого божественного следа, знака, откровения, то нет и бога, не существует и никакой другой сверхъестественной силы.

С позиций религии и высокого уровня религиозности того времени этот вывод иначе как безумием не называли — настолько это был решительный и смелый вызов веку религии и суеверий. Естественно, что такое утверждение атеиста вызвало благочестивую брань. «О бешеная, неистовая и безумная людская надменность! Именно здесь ты показала, что наука часто рождает безумие»[2]. Именно наука, основанная на изучении объективного мира с позиции здравого смысла и опыта людей, личной и общественной практики, шаг за шагом подтачивала фундамент религии. Объявляя каждую новую попытку критики религии «безумием», служители бога, прикрываясь его именем, преследовали и уничтожали представителей науки. Последовательность, логи-

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 286.

[2] Там же. С. 297.

ка рассуждений атеиста К. Лыщинского не оставляла никаких уступок религиозным чувствам, авторитетам, общепринятым христианским традициям и нормам. Она все сокрушала на пути к подлинной истине, проверенной опытом человечества, подтвержденной светом разума.

Если нет бога как реальности, то не существует и человека с бессмертной душой как творения бога, а следовательно, нет в действительности ничего, что называют адом, раем, чистилищем. Нет ни ангелов, ни чертей. Отрицая существование в природе вообще сверхъестественного, К. Лыщинский отверг и загробную жизнь. Он писал, что нет «ни хорошей, ни плохой вечности, ни награды добрым, ни наказания злым».

Все христианские догмы и установления объявляются им также бессмысленными и абсурдными: троица, непорочное зачатие девы Марии, воскресение Христа и т. п. Все это создано «людьми без религии». Наказания и награды, утверждает К. Лыщинский, придумали «мудрецы» для своей же пользы. Как суровый отец розгами удерживает своих детей от плохих и своевольных поступков, так и богословы запугивают людей вечными муками, адом, страшным судом за отступление от веры, за нарушение христианских установлений и «божеских законов».

Казимир Лыщинский последовательно, шаг за шагом, утверждает, что всякое учение, которое кичится тем, что оно учит истине о боге, ложно. И, наоборот, то, что осуждено как ложное, есть правдивейшее. В соответствии со своим пониманием сути бога, бессмертия души К. Лыщинский делает заключение о ложности и «науки о боге» — теологии. Он отрицает истинность библейских книг — Ветхого и Нового завета. Изучая теории различных философов, приходит к выводу, что и многие из них «споткнулись на истине», признавая бога разумной сущностью или творцом мира; следовательно, и их учения ложны. Он критикует идеалистов, видит непоследовательность тех мыслителей, чьи суждения опираются на идею бога, духа как первооснову.

К. Лыщинский очень точен в выражениях. Когда он анализирует сущность явления, то употребляет понятия «ложь» и «истина». Когда же пытается разобраться в происхождении образа бога, в причинах существования веры в бога, то пользуется словами «вымысел», «выдумка», «заблуждение». Отсюда у него появляется выражение «figmentum fidei de Deo» — «выдуманность ве-

ры в бога». Простые верующие не сознают этого и верят искренне в реальность бога. Им внушили, что ложь следует принимать за истину. Они только обманутые.

Мыслитель-гуманист К. Лыщинский не щадит тех, кто создает учение о богах и тем самым преднамеренно обманывает простой народ. Он называет их лжемудрецами, обманщиками, а их учение — сознательным обманом («prudens mendacium»). К. Лыщинский называет «учителей» католической веры не иначе как «ремесленниками пустозвонства... слепцами, которые лгут, будто в темноте видят», называет их не наставниками, а «соблазнителями, не философами, а обманщиками, защитниками глупостей, ошибок, устаревших уловок»[1]. Эта характеристика — глубокое, вытекающее из всей атеистической системы К. Лыщинского, осмысление сущности роли духовенства.

Критика духовенства является одной из форм свободомыслия и занимает в его истории немало ярких страниц. Для примера приведем обличение служителей церкви одним из общественно-религиозных деятелей, писателем-полемистом XVII века Мелетием Смотрицким. Обращаясь к епископам, он писал: «Вы — выветренная соль, потемневшее сияние, потухшие светильники, одичавшие учителя, ослепленные вожди». В священниках он видел «невежд, нахалов, необычайных грубиянов и отвратительных обжор, бесстыдных пустомель, заносчивых болтунов, безнаказанных пьяниц, равнодушных льстецов, торгашей святостью... и развратных святош» («Фринос»).

К. Лыщинский не дает характеристик, касающихся человеческих слабостей, дурных черт характера, распространенных пороков. Хорошо зная католическое духовенство, иезуитов, монахов других орденов, православных попов, наставников различных сект, он выделил главные черты, составляющие нравственную сущность служителей культа. Предмет их веры — бог есть вымысел, плод фантазии, и учение о нем, следовательно, ложно. Поэтому, проповедуя это учение, духовные лица занимаются «пустозвонством». Духовные пастыри — «ремесленники пустозвонства», независимо от того, сознают они это сами или нет.

Каждое последующее определение духовенства дает характеристику, углубляющую или поясняющую преды-

---

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 296.

дущую. Они, как слепцы, «лгут, что видят в темноте». Это означает, что они понимают все темное, непостижимое в религии, все, что вымышлено о боге, троичности его, воплощении, откровении, всемогуществе, любви и т. п. Понимают, несмотря на то, что учение о боге настолько «темно», что его постичь невозможно, и многие теологи вынуждены это признать. Тертуллиан, например, прямо говорит: «Верую, потому что абсурдно».

Новый оттенок несет следующая критическая оценка: «не наставники, а соблазнители». Это значит, что проповеди их далеки от жизни, полны фантазии, что ложь они выдают за истину, поэтому не могут научить людей ничему доброму. Но они удерживают простой люд в вере посулами наград, райской жизни, вечного блаженства за гробом. В этом качестве служители религии и выступают как «соблазнители».

Наконец, К. Лыщинский называет их обманщиками, а не философами. Теологи всегда кичились тем, что якобы обладают высшей истиной, занимаясь вопросами бытия, смысла жизни, и дают на них единственно возможный ответ. А в действительности они уводят от истины, подменяют ее вымыслом. Философы же занимаются действительными проблемами бытия, помогают людям искать и находить реальные пути к достижению земного счастья. В отличие от философов, теологи далеки от поиска и обоснования истины, они защищают химерическую систему религии, систему ошибок, глупостей, устаревших уловок.

Таков глубокий атеистический смысл критики К. Лыщинским духовенства. Это делается для разоблачения обмана, который оно вольно или невольно несет людям. Особое осуждение вызывает у К. Лыщинского осмысленное благочестивое надувательство как высшая безнравственность: лжемудрецы обманывают простой народ, опутывая его лживой верой в бога.

В противовес христианскому учению К. Лыщинский решительно отрицает, что религия создана богом. Он пишет: «Религия установлена людьми неверующими, чтобы им воздавали почести. Вера в бога введена безбожниками. Страх божий внушен не имеющими страха для того, чтобы их боялись. Вера, которую считают священной,— это человеческая история». В объяснении возникновения религии К. Лыщинский стоит на позициях реализма, историзма, учета наиболее очевидных явлений.

Существовала значительная как богословская, так

и художественная литература, высмеивающая пороки духовенства и монашества. В противоположность теории о божественном происхождении религии сформировалась теория обмана. В средневековье был широко распространен атеистический трактат «О трех обманщиках», в котором основатели иудаизма, христианства и ислама — Моисей, Христос и Мухаммед — представлены как ловкие мошенники. По этой теории, религия есть результат сознательного одурачивания масс служителями культа.

Хотя теория обмана указывала не на основные, а на второстепенные причины возникновения религии, она для своего времени имела прогрессивное значение. Во-первых, она опровергала тезис богословов о божественности религии, ее сущности и происхождения; во-вторых, разоблачая действительный обман духовенства, эта теория являлась убедительным средством борьбы широких масс с религией и ее служителями.

Тезис К. Лыщинского о происхождении религии лаконичен и содержателен: не бог создал религию, она возникла исторически, ее создали корыстные, безнравственные люди в своих собственных интересах. Все выдумано людьми: и священнодействия, и догмы, и мифы о загробной жизни — вечном блаженстве и вечных мучениях.

Мыслитель-атеист различает тех, кто властвует в обществе от имени бога, и тех, кто обманут, кто заблуждается и страдает от этой веры. Первые живут в богатстве и почестях, не испытывая страха перед богом, так как сами не верят в него. Вторые — это простой народ, поклоняющийся фальшивому кумиру и не замечающий этого. Он живет в постоянной нужде, страхе и невежестве. Угнетение — вот его удел.

К. Лыщинский видел большой вред, который религия приносит обществу. В сохранившихся фрагментах сочинения атеист утверждал, что имя бога «гасит свет разума», т. е. убивает стремление к знанию. В истории человеческого общества религия всегда несла людям угнетение, принижение их человеческого достоинства, подчинение вымыслу. К. Лыщинский с сожалением и грустью констатирует: «Лжемудрецы обманывают простой народ, опутывая лживой верой в бога, и поддерживают ее таким образом, что даже если мудрецы захотят его освободить с помощью истины от этого угнетения, то их подавляют при помощи самого же народа». К. Лыщинский понимал, что религия способствует сох-

ранению невежества, а оно, в свою очередь, мешает народу понять свое угнетение верой, осознать свое рабское положение.

Сама идея реакционной сущности религии в то время была несомненно уникальной и прогрессивной. Некоторые мыслители и позже при всей своей непримиримости к религии признавали ее пользу и ценность для человека или для общества. Например, современник К. Лыщинского нидерландский философ-материалист Б. Спиноза (1632—1677 гг.), положивший начало сравнительно-исторической критике Библии, отмечал, что вера принесла «смертным большое утешение». Беспощадный критик религии Вольтер выступал за ее необходимость для простого народа. К. Лыщинский же категорически утверждал, что религия человеку и обществу, особенно простому народу, несет только вред.

Он высказывал и смелые догадки о социальной роли религии и духовенства в истории общества. Духовенство, утверждал он, обманывает простой люд, пугая его адом ради своей выгоды. Эти глубокие атеистические идеи разоблачают не только католическую веру, но и всякую иную, ибо нет ни одной религии без веры в загробное небесное царство. В этом также проявилась необычная проницательность и сила атеистических умозаключений К. Лыщинского: раз абсурдна всякая идея бога, следовательно, и всякая религия несостоятельна. Атеистические идеи К. Лыщинского четкие, решительные, свободные от всяких теологических оговорок. Это и делает их опасными для религии. По выражению королевского обвинителя, К. Лыщинский «был первым и пусть бы последним в польском мире еретиком»; «нашелся у нас такой, который не пощадил самого господа бога!»; он «нанес большой ущерб святой религии»; он может сравниться только «с одним таким же безбожником», итальянцем «по имени Лючилио Ванини, осужденным тулузским парламентом и жестоко наказанным»[1].

Духовенство не могло простить К. Лыщинскому его бескомпромиссной критики, разоблачения сущности религии, бога, католической веры. Оно в лице Куровича обвиняло К. Лыщинского в том, что он «посмел на 265 листах не только представить господа бога как несуществующее творение фантазии, слепую случайность

---

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 293.

и столкнуть его с необыкновенной и недосягаемой высоты, но и посмел приписать власть и управление землей и небом естественной природе; самого же бога назвал выдумкой, чудовищем... сущностью, созданной в мечтаниях, не имеющей бытия, а тех, которые веруют в бога, назвал рабами божества, идолопоклонниками, создателями бога; учителей же святой католической веры — ремесленниками пустозвонства... Он безбожно срамил их, пером самого черта лживо писал бесчисленные богохульства против пресвятейшей троицы, против господнего воплощения, против непорочной девственности благословенной девы Марии, против воскресения из мертвых. Книгу свою, написанную... при помощи силлогизмов, против существования и существа бога такими словами закончил своей рукой: «А следовательно, бога нет»[1]. За неимением сочинения самого К. Лыщинского мы вынуждены прибегать и к подобным свидетельствам, представляющим во всем многообразии идей его атеизм, истинное содержание которого не могли для потомков принизить ни благочестивая брань, ни ненависть прокурора-ортодокса.

Дошедшие до нас фрагменты сочинения «О несуществовании бога» свидетельствуют: мысли автора глубоки и оригинальны. Следует подчеркнуть еще одну особенность. Идеи К. Лыщинского составляют цельную, законченную систему. В своих рассуждениях мыслитель приблизился к материалистическому и диалектическому объяснению окружающего мира. Результатом его доказательств явилось отрицание всех религиозных идей. Оригинальность и цельность атеистической системы К. Лыщинского, последовательность и независимость от теологических положений делают ее уникальной для своего времени. Это — атеистическая вершина, выше которой не поднимался ни один из его современников.

Радикализм атеизма К. Лыщинского выражался и в социальной направленности. Он понимал, что одно отрицание бога не может изменить существующий в обществе порядок и без религии может быть так же плохо, как и при вере в бога. Поэтому с отрицанием бога он связывает необходимость перемен в общественном устройстве на более справедливых началах.

Нельзя также не обратить внимание и на ясную ате-

---

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 296.

истическую позицию, осознанную К. Лыщинским как продолжение традиции, существовавшей в истории философской мысли. Он в ней находил опору в критическом поиске, уверенность в своей правоте. К. Лыщинский выделял особую категорию мыслителей-атеистов, причислив к ним и себя. Это утверждение, как отмечает А. Новицкий, изучивший многие теологические и еретические сочинения XVI—XVII веков, встречается впервые у К. Лыщинского. «Не было этой категории в античности, ни в средних веках, ни даже в период Возрождения. Не употребил ее ни один из мыслителей XVII века до Лыщинского. Об атеистах говорилось «они», впервые Лыщинский сказал: «Мы, атеисты»[1].

Само понятие «атеизм» употребляется в XVI веке главным образом в сочинениях теологов-протестантов, которые первыми стали анализировать атеизм как явление, получившее уже значительное распространение. Они пытались выяснить его суть и причины, порождающие подобный строй мысли в эпоху господства религии и религиозности масс с тем, чтобы укрепить ее позицию. У К. Лыщинского же это — проявление твердой мировоззренческой позиции и осознание своей причастности к значительной уже к тому времени атеистической традиции, имевшей полное право на существование в интеллектуальной истории человечества.

Католическое духовенство, иезуиты и суд пытались представить атеизм К. Лыщинского как случайное и единичное явление в Великом княжестве Литовском и во всей Речи Посполитой. Такое утверждение понадобилось, чтобы организовать расправу над критиком религии, который представлял для католической церкви действительно большую опасность. На самом же деле, как свидетельствовали религиозные историки, в обществе «было полно Лыщинских». Само духовенство также сетовало, что в обществе увеличивается количество атеистов, которые, «как видно, живут у нас спокойно, высмеивают добродетель и бога, нашли опеку в благоприятных законах, и их ничто не пугает». Как видно, атеизм в конце XVII века не был уже уникальным явлением.

Каково же влияние взглядов К. Лыщинского на последующее развитие атеизма? Сложность ответа на него заключается в том, что труд мыслителя, вероятно, был католическим епископатом уничтожен. Не сохранилось

---

[1] *Nowicki A.* Wykłady o krytyce religii w Polsce. S. 60.

и других книг или рукописей ни под его именем, ни в объективном пересказе или систематизированном изложении. Из материалов следствия тщательно удалены высказывания К. Лыщинского, его идеи поданы в форме благочестивого негодования и тенденциозной критики. Такое изложение не передает тонкости авторской мысли, оригинальности аргументации.

Его убеждения приобретали известность по отрывочным высказываниям, зачастую не в трактовке автора, а его идейных противников, и поэтому многое оказалось искаженным. Все это, конечно, несколько сдерживало распространение и ослабляло непосредственное влияние материалистических и атеистических идей К. Лыщинского на развитие философской мысли. Но получил широкую известность сам факт казни за смелые идеи, которые одни не осмеливались, другие не способны были высказать, а третьи в то мрачное время и думать подобным образом боялись. И может быть, именно из-за расправы с атеистом его утверждение о несуществовании бога распространилось во многих странах вместе с именем автора с быстротой, какая в то время была только возможна.

Название сожженного труда много раз произносится на процессе депутатами сейма, фиксируется в протоколах. Трактат был положен в основу обвинения узника. Его содержание передавали журналисты из Польши в другие страны (например, для французской «Газеты»). Все это — живое влияние, свидетельство большого общественного резонанса.

Известие о казни дворянина-атеиста «из Литвы», брестского подсудка и его бессмертные слова «следовательно, бога нет» вызвали живой отклик в европейском обществе, получили отражение в переписке многих причастных к делу лиц, а также сочувствующих или разделяющих его идеи.

Жестокая казнь К. Лыщинского взбудоражила общество, вызвала весьма оживленные и долго не успокаивающиеся споры его сторонников со злобствующими противниками, которые радовались «божьему наказанию». Кстати сказать, даже сам король Ян III Собесский, от решения которого во многом зависела судьба К. Лыщинского, впоследствии сожалел о содеянном. Так что не все, кто даже приложил руку к гибели К. Лыщинского, оставались безучастными...

Таким образом, усомниться в благотворном влиянии

К. Лыщинского и его идей, за которые он отдал свою жизнь, на передовые силы общества, а также на прогрессивную общественную мысль XVII—XVIII и даже XIX веков, нельзя. Его идеи дали импульс развитию атеистической мысли в Белоруссии, на Украине, в Литве и Польше. К. Лыщинский далеко не был так одинок, как это стремилось представить католическое духовенство. Можно даже привести пример повторения его трагической судьбы. Так, в одной из исторических хроник читаем: «Снова через несколько лет после сожжения Лыщинского другой отозвался, еще худший богохульник-атеист, некий Пшебозовский, которого также сожгли»[1]. Несомненно, много было и безымянных, кто разделял его идеи и взгляды. Таким образом, мужественный образ брестского подсудка, осужденного и казненного за атеизм, безусловно, сыграл свою роль в формировании глубокого равнодушия к религии у многих честных граждан, содействовал распространению атеизма на белорусских, украинских, литовских и польских землях.

Были известны и имели своих сторонников идеи К. Лыщинского и в России. В частности, советские философы В. Е. Евграфов, В. Ф. Пустарнаков отмечают, что «материалистическое мировоззрение открыто заявило о себе и устами мыслителей-атеистов. Наиболее ярко и определенно атеизм представлен в XVII веке Казимиром Лыщинским». «От произведения Лыщинского «О несуществовании бога»,— подчеркивают они,— идет прямая дорога к замечательному произведению русской атеистической мысли конца XVIII века. «Зерцало безбожия», в котором также доказывается, что «бога нет»[2].

Ранее идеи К. Лыщинского проникли в Западную Европу. С симпатией писал о нем видный представитель французского материализма, атеизма и утопического социализма XVIII века Пьер Сильвен Марешаль (1750—1803 гг.). Он называл К. Лыщинского «сильным умом», «мучеником», «философом», «который был сожжен живым за то, что доказал, как 2×2=4, что бога не существует»[1]. Из цитаты можно предположить, что Марешаль основывал свои суждения на каком-то неизвестном нам источнике, возможно, какой-то рукописи мыслителя, которой, как сотрудник одной из парижских библиотек, он располагал.

---

[1] Полное собрание русских летописей. М. 1980. Т. 35. С. 249.
[2] История философии в СССР. М. 1968. Т. 1. С. 41.

Об идеях и трагической судьбе атеиста, несомненно под влиянием этой личности, писали многие польские революционеры XIX века — Чиньский, Бервинский, Яновский и др.

Таким образом, несмотря на то что вопрос о влиянии К. Лыщинского на последующую философскую и общественно-политическую мысль еще требует дальнейшего подробного изучения, можно с уверенностью утверждать, что значение его в интеллектуальной истории человечества огромно. Сумев открыто сказать и в меру сил и возможностей времени доказать, что религия не что иное, как историческое явление, а бог — химера, вымысел, К. Лыщинский явил пример смелости и глубокой мудрости. Говоря о распространении его взглядов, необходимо учитывать, какой большой урон нанесла католическая церковь, и в частности иезуиты, развитию атеизма не только в XVII веке, но и в последующее время. Это их стараниями сокрыто сочинение мыслителя, оставлены в безвестности многие ученики, сторонники и последователи. Фанатичные «божьи слуги» опустошали духовную жизнь общества, душили все живое и прогрессивное, пытавшееся раскрыть обществу подлинный антиобщественный, антигуманный смысл религии.

Казимира Лыщинского можно отнести к числу первых атеистов нового времени. Опираясь на достижения античного атеизма, обобщая передовые идеи, выводы и положения философов эпохи Возрождения и Реформации, освободив их от остатков религиозного мышления, он, таким образом, стоял у истоков развития атеизма нового времени. По складу атеистического миропонимания он превзошел мыслителей эпохи Возрождения. Ведь никто из них не поднялся до безусловного и открытого отрицания бога. Тогда как многие его предшественники выражали атеистические взгляды в форме пантеизма (бог тождествен природе), он отрицал существование бога-творца без каких-либо оговорок. К. Лыщинский впервые решительно и правильно сформулировал основной атеистический тезис своей системы: «Человек — создатель бога». Через полтора столетия эта идея получила развернутое, научное обоснование в трудах классиков марксизма-ленинизма: «*Человек создает религию*, религия же не создает человека»[1].

К. Лыщинский интуитивно пришел к пониманию опре-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 414.

деленной закономерности возникновения религии. Правда, это понимание исторически ограничено, ибо он смотрел на религиозную веру как на результат сознательного обмана духовенства. Но взгляд на религию и духовенство как на реакционную силу, которая приносит людям и обществу большой вред, в общем является прогрессивным и для нашего времени. К. Лыщинский мечтал об обществе без священников, где религии не отводится ни решающего, ни почетного места.

Эти главные и бесспорные положения атеистических взглядов К. Лыщинского позволяют отнести его к числу выдающихся ученых, оказавших несомненное влияние на последующее развитие свободомыслия и атеизма.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Критика К. Лыщинским религии и церкви, а также современных ему феодально-крепостнических отношений не являлась для него самоцелью. Она служила обоснованием для утверждения иных социальных порядков, отвечающих чаяниям широких народных масс. Другими словами, материалистические и атеистические взгляды К. Лыщинского были тесно связаны с его общественно-политическими устремлениями приверженца утопического социализма.

Впервые идеи о справедливом устройстве общества были высказаны в Белоруссии и Литве в средние века лидерами различных еретических движений, а также идеологами крайне левого крыла Реформации — антитринитариями. В частности, передавая содержание основного труда одного из идеологов левого крыла антитринитариев Петра Гонезия «О первохристианской церкви», который был уничтожен иезуитами в годы католической реакции, виленский войт Ротундус в письме к кардиналу С. Гозию с беспокойством писал: «Сам я видел и читал напечатанную в Гродно... книгу, где отрицается всякая власть и государственные должности, прославляется христианская свобода, общность имущества, упразднение всяких различий между сословиями как в церкви, так и в гражданском обществе, говорится о том, чтобы не было разницы между королем и народом, между господином и подданным, между знатными и плебеями»[1].

[1] *Łukaszewicz J.* Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnej Małej Polsce. Poznań. 1857. S. 56.

О том, что подобные идеи в Белоруссии и Литве в XVI веке имели широкое хождение, свидетельствует содержание другого письма, относящегося к 1566 году. В нем, в частности, говорилось, что в Вильно «в течение последних трех лет многие стали сторонниками ариан... Они проповедуют... общность имущества, неуважение к властям, судам и сословиям». Конкретизируя свой социальный идеал, идеологи левого крыла антитринитариев высказали ряд общих положений о семье и браке, отличных от бытовавших в то время, о женщине как равноправном члене общества, о воспитании детей. Ценным в их рассуждениях было то, что будущее общество представлялось им как общество трудящихся, труд объявлялся непреложной обязанностью всех его членов.

Однако кроме общих расплывчатых социально-утопических представлений, облеченных к тому же в религиозную оболочку, у антитринитариев не было сколько-нибудь разработанной программы переустройства общества. Не видели они и подлинных путей, ведущих к новым социальным порядкам.

Первой светской социальной утопией в Белоруссии было написанное в середине XVI века сочинение Михалона Литвина (Тишкевича) «О нравах татар, литовцев и москвитян» (опубликовано в Базеле в 1615 году). В нем автор под видом распространенного в эпоху Возрождения литературного приема повествования о других народах и странах, с одной стороны, дал глубокую критику существовавших в Великом княжестве Литовском феодально-крепостнических отношений, а с другой — пропагандировал идеи общности имущества, всеобщности труда, справедливого распределения материальных благ. В частности, привлекает внимание Литвина такая особенность социального устройства у татар, как якобы отсутствие частной собственности. «Недвижимого частного имущества у них нет,— пишет Литвин,— не заботятся они и о приобретении движимого имущества, кроме необходимой, и то небогатой, утвари домашней и простых вещей»[1]. Это ведет к тому, что «все живут вне изобилия и крайнего недостатка», «все носят одинаковую одежду и ведут одинаковый образ жизни». У них справедливое законодательство, которому «повинуются наравне с простыми людьми вельможи и вожди», демокра-

---

[1] *Литвин М.* (Тишкевич). О нравах татар, литовцев и москвитян.— Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. М. 1854. С. 15.

тические принципы управления. М. Литвин сравнивает жизнь татар с той, которую вели люди «в золотом веке». Сочинение «О нравах татар» занимает видное место в общественно-политической мысли XVI века.

Следующий шаг в развитии социально-утопических взглядов в Белоруссии и Литве связан с именем К. Лыщинского. Поскольку трактат К. Лыщинского до нас не дошел, то восстановить его социальную утопию во всех деталях не представляется возможным. Однако определить направление его взглядов в этой сфере, воссоздать возможные структурные элементы его утопии мы можем по некоторым косвенным источникам.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что взгляды К. Лыщинского тесно связаны с идейным наследием мыслителей эпохи Возрождения. Оно содержало в себе не только зародыши будущих материалистических и атеистических доктрин, но и социалистических утопий. Взгляды К. Лыщинского «настолько проникнуты передовыми идеями эпохи Возрождения,— писал известный историк белорусской общественной мысли Н. А. Алексютович,— что не оставляют никакого сомнения в их тесной связи с философией того времени».

Предположение о духовных связях мировоззрения К. Лыщинского с ренессансной идеологией подтверждается рядом его высказываний в области философии, атеизма, этики, утопического социализма. Наиболее ценным источником для характеристики К. Лыщинского как социалиста-утописта является «Манифест Бжоски» — донос, в котором этот иезуитский пособник, излагая (пусть в искаженной и поверхностной форме) содержание его взглядов, в частности, говорил: «Порядок всего мира, установленный самим господом богом в виде различных классов, королевства и монархий, он спутал с гарамантами»[1]. Кто же такие гараманты, социальные порядки которых в такой степени привлекли внимание мужественного мыслителя, что он хотел видеть их господствующими в новом обществе? Это — маленький древний народ, одно из главных действующих лиц ренессансной утопии XVI века, написанной под влиянием гуманистических идей Т. Мора и Э. Роттердамского и носившей благочестивое назидательное название «Наставление христианского государя».

---

[1] *Krzyżanowski A.* Dawna Polska ze stanowiska jej udziału w dziejach postępującej ludzkości. Częsc druga. Warszawa. 1857. S. 287.

Труд был издан в Венеции в 1543 году. Долгое время считалось, что книга принадлежит перу итальянского писателя XVI века Мамбрино Розео да Фабриано, поскольку она выходила в свет под его именем. Однако в последние годы итальянские ученые доказали, что она является лишь вольным переводом произведения испанского гуманиста Антонио де Гевары. Чем же объяснялась популярность этого труда в XVI—XVII веках? В первую очередь его обличительным характером. В «Наставлении» осуждался феодальный деспотизм, произвол, тирания, дурные нравы, невежество, лень, скверное воспитание и т. д. Немало горьких слов было сказано об изъянах современной автору бюрократической политической системы, злоупотреблениях обирающих народ чиновников, несправедливом судопроизводстве, запутанном и постоянно меняющемся законодательстве и т. д. Красной нитью через все «Наставление» проходило осуждение войн. Позиция автора по этому поводу такова: «Лучше в поте лица возделывать поля, чем проливать кровь в сражении». Все «Наставление христианского государя» проникнуто чувством глубокой горечи, проистекающей от внимательного и вдумчивого наблюдения автором царящих вокруг социальной несправедливости и зла. Пытаясь вскрыть причину бесчисленных пороков и недугов загнивающего социального организма, он ставит вопрос о собственности. Его симпатии на стороне «золотого века», когда «все в государстве было общим», люди жили спокойно и мирно, в обществе царило равенство и справедливость.

Однако возврат к тем счастливым временам, по мнению автора, принципиально невозможен. Поэтому в современных условиях счастливой жизни можно достигнуть, лишь установив имущественное равенство, равномерное распределение доходов, отказавшись от накопительства, ограничив права наследования, введя регулярную помощь страждущим, т. е. порядки, подобные тем, которые существовали у гарамантов. Чтобы яснее выразить свой идеал новых социальных отношений, автор «Наставления» создает утопическое повествование о маленькой, древней, населенной мудрым и трудолюбивым народом горной стране, которую он поместил в Азии, близ границ Индии. Перед читателем предстает народ, который в отличие от современников автора наслаждается миром и счастьем. Их строгий и разумный образ жизни регулируют семь кратких и простых законов. Первый из

них требует не вводить новых законов, так как они ведут к забвению старых. Второй касается свободы совести. Третий закон предписывает всем носить одежду из одинаковой ткани и одного покроя. Разнообразие в одежде, по мнению гарамантов, «порождает раздоры и безумство среди народа». Он провозглашает также умеренность потребления, обязательность труда для всех. Четвертый закон ограничивает число детей: ни одна женщина не могла стать матерью более трех раз, так как большие семьи вынуждают родителей чрезмерно заботиться о средствах пропитания, стремиться к накоплению, а это ведет «к различным порокам». Пятый устанавливает строгие наказания для лжецов. Когда обнаруживают, что человек сказал неправду, ему отрубают голову, даже если бы он не совершил никакого другого проступка. «Достаточно одного лжеца, чтобы испортить целый народ»,— говорили гараманты. Шестой гласит, что «все получают одинаковое наследство, так как из-за жажды к имуществу в государстве возникает вражда». Наконец, последний, седьмой закон ограничивает жизнь человека вообще. «Ни одна женщина не может жить больше 40 лет, мужчина — больше 50». Когда они достигают этого возраста, их приносят в жертву богам.

Законы гарамантов были направлены в основном на то, чтобы сохранить имущественное равенство — важнейшее условие социального согласия. «Все у них были равны, все вещи у них одинаковы, все ходили в одежде, сшитой на один манер, никто не имел больше, чем другой. Они были умеренны в еде и питье, не затевали между собой ссор, не терпели праздных».

Поскольку мифические гараманты не стремились к обогащению, то они являлись противниками войн, у них не было оружия, они никогда ни с кем не воевали. Отсюда понятно, почему они осуждали действия Александра Македонского (а они жили якобы в его время), упрекая его в убийствах, захватах, грабежах. «Не безрассудно ли превращать стольких людей в бедняков лишь ради того, чтобы самому сделаться богатым»,— сетовал старик гарамант, обращаясь к Александру. Сами же они жили в мире, любви, согласии, равенстве. Правда, их равенство достигается за счет сведения потребностей человека к необходимому минимуму и регулирования роста населения. Несмотря на явную историческую ограниченность подобного социального идеала, для многих европейских народов в XVI, а также

XVII веке он в известной мере соответствовал настроениям трудящихся, мечтавших о мире и об удовлетворении своих хотя бы минимальных потребностей.

Именно поэтому идеи трактата «Наставление христианского государя» в XVI—XVII веках находили живейший отклик у современников. Это делало его популярным не только в Италии, но и за ее пределами. Только в Италии с 1543 по 1608 год он издавался 15 раз, а в других странах Западной Европы в XVI веке — 54. Данная книга оказала несомненное влияние как на формирование мировоззрения части ренессансных итальянских писателей и поэтов, так и на развитие политической мысли всей Западной Европы. Это влияние распространялось и на Речь Посполитую, так как, говоря словами К. Маркса, уже в то время «вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу [Речь Посполитую.— *Е. П.*, *В. Ш.*], развивалась... во взаимной связи...»[1].

Что могло привлечь внимание К. Лыщинского в «Наставлении»? Прежде всего критика, которая была, несомненно, актуальной для всех феодальных стран Европы. Когда их автор с гневом обрушивался на пороки им же выдуманных народов, было ясно, что он выступает против зол, в избытке присущих всем государствам XVI и XVII веков, в том числе и Речи Посполитой. Разве не злободневно для нее звучали следующие слова «Наставления»: «Какое безумие, какая бессмыслица добиваться почета, собирать богатства, созывать войска, гнаться за модой, прельщаться удовольствиями, мстить врагам, возвышать себя, удовлетворять множество желаний, оставлять наследникам многие царства, сооружать великолепные здания, чтобы оставить о себе славу после смерти»[2].

Не могли не увлечь К. Лыщинского идеи имущественного равенства, всеобщности труда, справедливого распределения материальных благ, осуждение войн, которые в середине XVII века непрерывно вела Речь Посполитая и которые несли неисчислимые бедствия народным массам, требование справедливого законодательства, создание равного для всех суда и т. д. Однако утопию К. Лыщинского нельзя свести к содержанию «Наставления», ибо ряд положений замечательного мыслителя существенно отличался от идей испанского гуманиста. Так, если в «Наставлениях» переход к идеальному обществу

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 501.

[2] Цит. по: *Чиколини Л. С.* Социальная утопия в Италии. М. 1980. С. 140.

автор мечтал осуществить посредством правления мудрого государя, короля-философа, который в своей деятельности руководствуется справедливыми законами, проводя их в жизнь сверху, помимо воли масс, то в утопии К. Лыщинского отчетливо улавливается эхо революционной плебейской идеологии XVI века. Неспроста ведь Бжоска подчеркивал, что К. Лыщинский «хотел иметь общество без правителя, город без начальников, народ без государя»[1]. Исходя из этого, можно сказать, что социальная утопия К. Лыщинского по путям и средствам осуществления своего идеала значительно превосходила «Наставления христианского государя». Главную роль в утверждении и поддержании новых порядков мыслитель отводил народу.

Далее, если Антонио де Гевара, гуманист по убеждениям и архиепископ по должности, в своем сочинении решительно не затрагивал католической церкви и своего государя (сам был советником императора Карла V), именовал христианским, то позиция К. Лыщинского в этом вопросе также была иной. Он представлял себе будущее общество свободным от религии и другой опоры существующего строя — современного ему законодательства, желая иметь, по словам Бжоски, «храмы без священников, капитолий без судьи».

Расходился К. Лыщинский с автором «Наставления» и по проблемам брака и семьи, роли женщины в жизни общества. В утопии де Гевары сохранялась патриархальная семья. Социальная роль женщины ограничивалась рамками семейно-бытовых обязанностей. К. Лыщинский, как известно, был противником подобных взглядов, демонстрируя свое несогласие с ними практическими действиями. В частности, своей дочери он стремился дать хорошее всестороннее образование, познакомить с передовыми философскими идеями, подготовить ее к активной общественной деятельности. Он пытался очистить брак от корыстных соображений и религиозных предрассудков, считая, что в его основе должна лежать любовь, взаимное уважение.

О несомненном расхождении обеих утопий свидетельствует и тот факт, что по завещанию, составленному К. Лыщинским, его тело после смерти, вопреки христианскому обычаю, должны были сжечь и на месте захо-

---

[1] *Krzyżanowski A.* Dawna Polska ze stanowiska jej udziału w dziejach postępującej ludzkości S. 287.

ронения поставить памятник. Подобный обряд встречается в «Городе Солнца». «Тела умерших,— писал Т. Кампанелла,— не погребаются в земле, а во избежание моровых болезней сжигаются и обращаются в огонь, столь благородную и живую стихию, которая исходит от солнца и к солнцу возвращается. Этим исключается и возможность возникновения идолопоклонства. Остаются, однако, изваяния и изображения героев...»[1].

На несомненную близость взглядов К. Лыщинского и Т. Кампанеллы впервые обратил внимание польский историк А. Новицкий. Так, заключительные слова эпитафии К. Лыщинского почти совпадают с фрагментами одного из советов Кампанеллы: «...Мудрецы вынуждены были обманывать глупцов... свои мысли держали при себе за закрытыми дверями, а публично говорили то, что и все». Скрупулезно сопоставляя фрагменты учения К. Лыщинского и итальянского философа и социалиста-утописта, он обнаружил и другие текстуальные совпадения в их идейном наследии. Это указывает на бесспорное знакомство К. Лыщинского с коммунистической утопией Т. Кампанеллы.

Таким образом, воссоздать социальную утопию К. Лыщинского в целом, во всех ее деталях, мы не можем. Но мы можем сказать, что он был хорошо знаком с различными системами утопического социализма эпохи Возрождения, при помощи которых стремился выработать свой социальный идеал.

СУДИЛИЩЕ НАД АТЕИСТОМ

Знакомство с основными атеистическими идеями Казимира Лыщинского убеждает в смелости, оригинальности и обоснованности его мировоззренческой позиции. Открыто и решительно выражая свои взгляды, он категорически отмежевался от религии и бога, мечтал о будущем «без священников» как торжестве высшей справедливости. Его рассуждения были убедительными. Поэтому представленные доносчиком Бжоской материалы на брестского подсудка вызвали переполох в католическом клире и ответные быстрые меры. К. Лыщинский не догадывался, что над ним занесен карающий иезуитский меч, а его «друг» и виленский епископ К. Бжостовский уже действовали. Свой «Манифест» Бжоска соста-

---
[1] *Кампанелла Т.* Город Солнца. М. 1954. С. 107.

вил не без помощи иезуитов, которых с головой выдает весь дух «теологической образованности» и «иезуитские каламбуры в лихой латыни». К. Бжостовский передал материалы для оценки в Виленскую иезуитскую академию, которая вынесла роковое для К. Лыщинского заключение: «атеизм, безбожие».

Брестское духовенство и раньше не раз беспокоило епископа К. Бжостовского доносами о К. Лыщинском. Теперь епископ направил королю Яну III письмо с просьбой выдать разрешение на арест К. Лыщинского. Король под влиянием придворных духовных советников-иезуитов дал указание виленскому воеводе арестовать К. Лыщинского. Так он оказался в тюрьме в Вильно в ожидании суда.

О том, как проходил этот церковный суд, видно из «Прошения» самого К. Лыщинского, которое он писал королю: его даже не выслушали, не говоря уже о возможности получить защиту и отвести клеветнические обвинения доносчика. Суд не учитывал ни его шляхетского происхождения, ни заслуг. Процесс проходил по общему церковному канону. К. Лыщинский просил короля оградить его от суда духовного и передать дело на рассмотрение сейма или совета сенаторов.

Суд епископов вынес быстрое и безоговорочное решение: за атеизм — смерть. Постановление духовного суда вызвало среди брестского дворянства возмущение и протесты, так как были нарушены привилегии шляхты. Брест-литовский подкоморий Писаржевский от имени шляхты опротестовал этот приговор как не имеющий законной силы, ибо по действовавшему праву дворянина нельзя было судить духовным судом. Суд епископов в данном случае посягнул на свободу, ущемление которой всегда вызывало болезненную реакцию шляхты. Подкоморий также обвинил католическое духовенство в том, что оно намеревается здесь ввести инквизицию по образцу испанской. Литовский трибунал, рассмотрев протест брест-литовского подкомория о нарушении виленским епископом положения о правах и свободе шляхты, отменил этот приговор. Такое решение явно означало осуждение духовенства. Но возмутились епископы не только из-за этого. Их негодование вызвало главным образом то, что трибунал попытался защищать атеиста.

Дело К. Лыщинского предполагалось рассмотреть на сейме в Гродно в начале 1688 года. Доносчик Бжоска взял материалы дела у епископа Бжостовского и вместе

со своим «Манифестом» передал их на этот сейм. Но на Гродненском сейме в этот раз вопрос о К. Лыщинском не рассматривался даже процедурно, так как работа сейма оказалась сорванной. 5 марта депутаты разъехались.

Так К. Лыщинский неожиданно оказался на свободе. В марте, в предпасхальную ночь, он был освобожден. Из Гродно К. Лыщинский вернулся в свое имение и в течение нескольких месяцев жил в надежде, что все обошлось и о нем забыли. В это время он из соображений осторожности и успокоения общественного мнения вел подчеркнуто благочестивый образ жизни: приготовил материал, чтобы построить часовню, побывал на исповеди, принял причастие и т. п. Многие историки не указывают этого факта, считая, что К. Лыщинский с момента ареста осенью 1687 года и до Варшавского сейма, все 17 месяцев, находился в тюрьме.

На первом этапе шляхта отстояла свои права. Но не успокоились епископы Бжостовский и Поплавский, которые сочли себя оскорбленными таким поворотом дела. Они не могли допустить, чтобы общественность утвердилась во мнении, что для процесса над К. Лыщинским не было достаточных оснований. Интересы католической церкви требовали, чтобы атеист был наказан. В двусмысленном положении оказался и непосредственный виновник ареста К. Лыщинского — доносчик Бжоска. Он был более всех заинтересован в наказании «оскорбителя бога», преследуя свои корыстные интересы. Началась активная подготовка заинтересованных лиц к организации нового процесса над К. Лыщинским. Они решили вынести его дело на сеймовый суд, который по своему статуту разбирал важнейшие преступления: об оскорблении короля, измене, еретических выступлениях и т. п.

Епископы Бжостовский и Поплавский привлекли к этому делу наиболее влиятельных духовных сановников — примаса (главу) католической церкви Речи Посполитой кардинала Михаила Радиовского, епископа киевского Андрея Хризостома Залусского, епископа познанского Станислава Витвицкого, епископа плоцкого Станислава Дамбского, архиепископа львовского Константина Липского. Иезуиты действовали скрытно и, как всегда, делали свое грязное дело чужими руками. Папский нунций (посол) в Польше (1688—1690 гг.) иезуит Дж. Кантельми оказал решающее влияние на этот процесс. Духовенство проявило большое усердие, пытаясь

повернуть обсуждение в нужном направлении и воздействовать на решение сейма.

Небезынтересно познакомиться с истинным нравственным обликом некоторых депутатов сейма от духовенства. Радиовский пробился к власти в период правления Яна III. Вместо благодарности своему благодетелю он переметнулся к его противникам, а после смерти Яна III торговал королевской короной. Надменный и безгранично тщеславный человек, интриган и мошенник, Радиовский обманом добивался власти и могущества своего рода. Не брезговал никакими средствами для достижения высокого духовного сана и плоцкий епископ Дамбский. В период выборов Яна Собесского королем, будучи епископом хелмским, выступил против его кандидатуры, а после избрания — выставлял себя его сторонником, чтобы заполучить доходное епископство. Дамбский организовывал военные набеги, использовал интриги, шантаж. Не уступали другим по части интриг и киевский епископ Залусский, познанский епископ Витвицкий. Все они отличались непомерными амбициями, стремлением к роскоши и власти. Витвицкий, еще будучи луцким епископом, разоблачал и преследовал в своей епархии атеистов. Нельзя здесь не упомянуть и о папском нунции Кантельми. За свою верную службу он получил от папы Иннокентия XI богатое аббатство в Италии, некоторое время был инквизитором на Мальте, где жестоко преследовал каждое проявление свободомыслия. Он был австрийским агентом и, будучи послом в Польше, склонял короля к войне с Турцией, которая угрожала Австрии. Во время процесса К. Лыщинского требовал от примаса и епископов скорейшей передачи дела святой инквизиции, чтобы добиться от атеиста «всей правды». Однако епископат воспротивился. Но не из гуманных соображений, а потому, что самим хотелось заработать кардинальский пурпур. Они боялись также, что это обернется против них, вызовет протест всей шляхты. Согласились действовать осторожнее, но сообща и решительно добиваться высшей кары.

Вся подготовка и сам процесс над К. Лыщинским доказывают, что католические епископы и иезуиты разработали и осуществили настоящий заговор. Были распределены роли, пущены в ход все средства вплоть до подкупа сенаторов во время голосования.

В ту пору сейм был местом сложной борьбы политических группировок за власть. Лидировали две

могущественные группировки. Королевская знать опиралась на князей из рода Пацов и часть подкупленной ими польской шляхты. Им противостояло в основном белорусско-литовское дворянство, возглавляемое магнатом Казимиром Сапегой, гетманом Великого княжества Литовского. Эта борьба нашла отражение и на процессе К. Лыщинского. Гродненский и варшавский сеймы проходили в бесконечных спорах, ссорах и даже потасовках. На них не было принято решения ни по одному из общеполитических вопросов повестки дня.

Варшавский сейм проходил с 17 декабря 1688 года по 2 апреля 1689 года. Почти два месяца продолжались дебаты по различным общеполитическим вопросам. Но депутаты от духовенства в своих выступлениях всякий раз напоминали о необходимости рассмотрения дела К. Лыщинского. Духовенство разными способами домогалось согласия на это короля и сенаторов. Оно добилось повторного разрешения на арест. Уступая требованиям епископов и иезуитов, король и его сторонники надеялись охладить страсти, добиться хотя бы кратковременного единства.

В феврале сеймовый суд приступил к рассмотрению дела. Казимир Лыщинский был вновь арестован и направлен в Варшаву, куда не раз ездил на сейм в качестве депутата шляхты. На сей раз по воле магнатов церкви он ехал в качестве их несчастного узника.

Материалы процесса над К. Лыщинским известны из двух наиболее полных отчетов, найденных польским историком А. Новицким в курницком и гданьском архивах. Некоторые сведения о процессе были опубликованы немецкими и польскими историками в XVIII и XIX вв. По этим документам можно проследить день за днем ход судилища, ознакомиться с аргументацией выступавших, с вопросами и репликами, спорами. Активность и мужество защитников К. Лыщинского не могли существенно повлиять на участь вольнодумца, так как исход суда был предрешен духовенством.

Остановимся лишь на некоторых важных деталях процесса, чтобы убедиться в лицемерии, жестокости и религиозном фанатизме вдохновителей и организаторов судилища. С самого начала работы сейма шла борьба епископов и светских депутатов за право судить К. Лыщинского. В январе несколько раз выступал по процедурным вопросам брестский земский писарь Людвиг Поцей. Он стремился оттянуть суд или смягчить участь

К. Лыщинского. Л. Поцей предлагал судить К. Лыщинского всем сеймом, отвергая выдвинутое обвинение на том основании, что представленные рукописи написаны много лет назад и не отражают нынешних взглядов подсудка, который может представить свидетельства примерного образа жизни и благочестия, что он не имел учеников, что Бжоска написал на него фальшивый донос по злобе, так как должен был вернуть К. Лыщинскому долг. Предложение Л. Поцея судить всем сеймом было отвергнуто, так как при этом в действие вступало бы либерум вето, которое могло спасти К. Лыщинского. Этого не могли допустить епископы. За активную поддержку обвиняемого маршалок сейма А. Щука назвал Л. Поцея в своем выступлении «учеником атеиста». Он сказал: «Что же касается того, что подсудок не имел никаких учеников, то ведь одного он имел определенно, именно того, кто старается его защитить».

3 января епископ Бжостовский объявил, что арестованный К. Лыщинский находится на пути в Варшаву.

Обстановка на сейме становилась все напряженнее. 29 января воевода серадский Я. Пененжек дорассуждался до утверждения, что на сейме нет единства потому, что бог лишил его своего благословения из-за оскорбления атеизмом, ересью и иудаизмом — атеизм Лыщинского, ересь Шелгвина, издавшего в Гданьске брошюру, направленную против богородицы и строительства евреями безо всякого права своих школ. Поэтому он требовал принять соответствующие меры.

И еще один факт, который характеризует обстановку и атмосферу на сейме. На заседании 10 февраля Л. Поцей прервал маршалка Щуку, требовавшего немедленного суда над К. Лыщинским. Он стал доказывать, что клир всеми мерами добивается жестокой кары и поэтому выступает за то, чтобы вернуть К. Лыщинского на церковный суд. В ответ взял слово епископ познанский Витвицкий, он поддержал Залусского в требовании рассмотреть дело об атеизме на духовном суде и обратил внимание на грамматические ошибки в речи Поцея и на то, что он не изучал теологию и поэтому не имеет права участвовать в деле по атеизму. Л. Поцей с горечью отвечал, что вместо разбирательства существа дела послы прибегают к личным оскорблениям. Это вызвало всеобщее замешательство, заседание было прервано.

Епископы пытались сразу утвердить вынесенный ими в Вильно приговор. Выступил епископ хелмский К. Опа-

ленский, речь которого, как, впрочем, и всех духовных лиц, была полна брани в адрес К. Лыщинского. Епископ Н. Поплавский, возглавлявший церковный суд, уже стал зачитывать его решение, принятое в 1687 году. Это вызвало возмущение депутатов. Епископ Дамбский предложил, чтобы этот приговор был передан в посольскую избу, которая бы его утвердила.

Таким образом, на сейме до начала суда шла упорная борьба: послы от духовенства настаивали на передаче дела К. Лыщинского церковному суду и даже отправке в Рим или утверждении прежнего приговора. Многие же светские послы требовали рассмотрения этого дела на сейме по установленному порядку.

15 февраля началось слушание дела К. Лыщинского, занявшее 19 заседаний. Первым выступил обвинитель (инстигатор) Великого княжества Литовского С. Курович. Он начал с того, что объявил «богопротивное дело неслыханным в польском мире», а также в Великом княжестве Литовском и нигде в мире, кроме одного «итальянца по имени Лючилио Ванини», сожженного на костре в Тулузе. Он утверждал, что «когда речь идет об оскорблении бога, даже мысли следует карать...». Затем перечислил «чудовищные утверждения атеиста», при мысли от которых «содрогается ум, а христианские и языческие уста деревенеют».

В речи хорошо видны иезуитские приемы обработки сознания и чувств короля и депутатов сейма. «Не моими устами,— говорил Курович,— а дыханием чумного пара атеиста, не как человека, а как чудовища, писал: «а следовательно, нет бога»... Я потому замолк сейчас, так как думал, что во время моего молчания, сразу же после того, как я вымолвил: «бога нет», его сразу же поглотит земля... или же немедленно постигнет смерть...». Но, не увидев этого мщения неба, Курович, обращаясь к королю, продолжал: «Причина этого промедления, очевидно, та... что добрый господь бог, согласно установлениям сего мира, не желает сам быть судьей в своем деле и выбрал для этого дела в качестве судьи и мстителя в столь глубокой обиде вас, королевское величество, нашего милостивого пана, высокий сенат и господ депутатов из рыцарского сословия»[1].

Вся эта благочестивая «мудрость» и риторика потре-

---

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 295.

бовались обвинителю для возбуждения ненависти к подсудимому, для игры на тщеславии короля и послов сейма как вершителей самого «божьего суда». Курович включил в свою речь полностью донос Я. Бжоски, полный иезуитской брани, о которой свидетельствует следующий отрывок: «О, урод, стократ заслуживающий наказания! Как посмел ты так нагло выступить против своего творца, ты, ничтожное и слабое создание! Что [может быть] слабее человека, которого убивает один укус мухи! Это писание против творца Вселенной достойно не человека, а червяка! В каком черниле обмакнул ты свое перо? Видно, ты выжал в свою чернильницу жало, желчь, отраву и весь яд из ядовитых крокодилов, драконов, гиен, змей, ящериц, ужей, пауков и всех существующих пресмыкающих, говоря с ожесточением, превосходящим всякую злобу, что нет бога, и изрыгнул из сердца и уст своих эту отраву на листы столь многочисленных тетрадей»[1].

Я. Бжоска и иезуиты постарались представить К. Лыщинского не как заблуждающегося, с недостатками, присущими любому человеку, а очернить его, исходя из христианского тезиса о безнравственности «безбожников». Он для них «омерзительный человек, вождь обреченных, чревоугодник... друг самого сатаны, змеиное яйцо, подложенное курице...» и т. п.

Далее, Курович, в согласии с требованиями иезуитов, расценил атеизм К. Лыщинского как преступление, превосходящее все, которые известны в мире. Меньшими, по его мнению, являются «оскорбление королевского величия, отцеубийство, убийство матери, братоубийство, детоубийство, святотатство, вероотступничество, «арианская хула», колдовство, бунты...». Следовательно, делает вывод обвинитель, «это преступление требует кары, превышающей наказания за все другие злодеяния». Для большей убедительности иезуиты прибегли к помощи небесных знамений: «Об этом преступлении само небо дало предостережение посредством появившейся несколько лет тому назад кометы — такого страшного среди других божьего бедствия; она была, согласно астрологам, предвестником этого отступничества»[2].

Затем выступил Казимир Лыщинский. Его объяснения, лишенные иезуитской риторики, были для депутатов

---

[1] Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. С. 298.

[2] Там же. С. 301.

не особенно убедительными. Он признал предъявленные ему тетради своими, говоря, что в них он собрал высказывания разных атеистов, чтобы их изучить, а не излагал свои доводы. К. Лыщинский стал убеждать суд, что был и остается католиком, верит в существование бога, признает троицу и т. п. Его попросили привести свои доказательства в пользу существования бога вместо отвергнутых им слабых доводов кальвинистского теолога Альстеда. На это К. Лыщинский ответил, что в каждом роде вещей имеется наиболее совершенное: среди светил — это солнце, среди живых существ — человек, в мире духовном — бог. Из этого объяснения видно, что даже перед лицом грозящей опасности К. Лыщинский не мог отступить от привычного для себя рационального образа мышления, отнеся бога к разряду духовных, а не реальных сущностей. К. Лыщинский попросил назначить ему защитника. На это король предложил обвинителю задать вопрос К. Лыщинскому: «Для чего ему потребовался защитник? Если для защиты атеизма, то такой не найдется». В своем следующем выступлении К. Лыщинский пытался убедить депутатов в своей невиновности, говорил, что его сочинение называется «Диспут, в котором выводится атеист, побежденный правоверным католиком», что на суде представлена лишь первая часть его, а во второй части он собирался привести доказательства, опровергающие эти рассуждения атеистов. Он вновь попросил дать текст обвинения, чтобы подготовиться к своей защите письменно. После совещания сенаторов и послов король согласился предоставить ему защитника. Источники сообщают разные сведения о них. В иных назван один — Илевич, в других два — Илевич и Витаковский. Может быть, по процедуре требовалось два защитника, один от польского дворянства, другой от шляхты Великого княжества Литовского. В литературе наибольшее внимание обращается на выступления Илевича, которые и более полно зафиксированы. Важен факт, что на суде раздавалось слово и в защиту подсудимого.

18 февраля обвинитель вновь взял слово, чтобы подогреть страсти. После него выступил защитник Илевич. Сначала он попытался добиться прекращения дела на том основании, что власти, арестовав и отдав под суд обвиняемого, нарушили привилей. Илевич недвусмысленно давал понять послам, что каждый шляхтич может быть привлечен к суду, если чем-нибудь восстановит против себя иезуитов или духовную власть.

После речи Илевича послы целый день обсуждали предложение защитника, и многие его поддерживали. Епископы же обратились к королю за помощью, и король отклонил попытки прекратить процесс. Уставшие послы протестовали слабо. 19 февраля продолжалось выступление светских послов. Было высказано предложение переслать дело К. Лыщинского в Рим через папского нунция. Но это предложение было отвергнуто всеми. Светские послы в этот день принимали присягу, а в последующие три дня заседаний не было.

25 февраля снова взял слово защитник Илевич. Он развивал идеи, уже высказанные К. Лыщинским, о целях и давности написания сочинения, о христианском благовидном образе жизни последнего, о чем дало свидетельство все брестское воеводство. Он сделал упор на то, что у обвиняемого не обнаруживается на суде ни умственного заблуждения, ни упорства воли, на что «всегда церковь обращала внимание, и перед теми, кто готов отказаться от своих ошибочных мнений, никогда не закрывала врат прощения...». Илевич также показывал, что Бжоску больше побуждают к обвинению зависть и хитрость, чем любовь к богу, что доносчик не порвал бы с обвиняемым «долго лелеяной дружбы», если бы последний не потребовал от него известного долга. «Обвинителю,— говорил защитник,— стоит задуматься над тем, что он усердствует больше, чем святая мать церковь». Илевич также обращался к королю, которому, по его мнению, больше к лицу милосердие, чем суровость.

В ответных выступлениях обвинитель и его помощник старались ослабить впечатление от речи защитника. Приводились многие контраргументы. Вот один из них. Обвиняемый говорил, что во второй части хотел опровергнуть доводы атеистов. Для этого уже достаточно было времени — 15 лет, но за этот срок он ни слова не написал в защиту бога.

Защитник рассказал о завещании, написанном обвиняемым по-христиански. В ответ один из епископов зачитал эпитафию, которую К. Лыщинский составил сам, и указал на просьбу обвиняемого похоронить его не на кладбище, а у дороги. И еще многое хотели привести в доказательство вины подсудимого, но, как сказано в отчете, было «уже темно, нельзя было разобрать написанное».

На следующий день снова выступал защитник, а затем К. Лыщинский. Он сказал, что доносчик сам подлы-

ми поступками отрекается от бога. К. Лыщинский просил, чтобы ему разрешили принять присягу; этим он хотел доказать свою невиновность. Но обвинитель высказался решительно против, ибо обвиняемый отвергал того, именем которого присягал бы. К. Лыщинский был лишен последнего шанса избежать смерти — присяга доказывала бы его невиновность, это могло еще спасти от казни, но этого не допустили иезуиты. В то же время к присяге привели доносчика Бжоску и шесть его свидетелей. Некоторые из светских послов говорили Яну III, стараясь спасти К. Лыщинского: сегодня сожжем Лыщинского, а завтра кого-нибудь из послов постигнет та же участь за какую-либо критику, направленную против иезуитов или епископов. Но король был неумолим.

К. Лыщинский понимал, что не может рассчитывать ни на милость монарха, который находился под сильным влиянием епископов, ни на судей и послов. В последнем своем выступлении (26 февраля) он просил, чтобы его поместили в монастыре и дали время на составление письменной защиты, в которой бы он постарался доказать свою невиновность. Если после этого все же признают его вину, то просит со слезами короля о милости: заменить мучительную смерть на костре другой казнью.

Обвинитель вновь охлаждает чуть затеплившееся сочувствие присутствующих к К. Лыщинскому, говоря, что королевская милость не для обвиняемого, который притворными слезами хочет смягчить сердце короля, а известно, что «доброта без справедливости есть наихудшая тирания». Епископ А. Залусский выступал несколько раз. Он отвергал мнение защитника, что суд не может найти убедительных оснований для обвинения в атеизме. Присоединяясь к выводу обвинителя, он внушал, что атеизм есть большее преступление, чем разбой, грабеж, насилие, что это преступление должно рассматриваться на верховном суде. Он настаивал на высшей мере наказания.

Духовенству не удалось сразу расправиться с К. Лыщинским на сейме. Но активная тайная деятельность иезуитов и епископов продолжалась. Папский нунций Дж. Кантельми провел специальное заседание всех епископов и «со слезами на глазах» именем папы римского заклинал их, чтобы и на сеймовом суде сделать все для осуждения «врага бога и природы» как уголовного преступника. Эта мысль была главной и в речи С. Куровича.

О явном и скрытом давлении организаторов процесса на депутатов говорят многие факты: реплики, угрозы,

унизительная процедура суда, морально-психологическое воздействие на узника — брань в речах епископов, отказ в присяге и т. п. Вот один пример. Во время выступления С. Куровича краковский посол бросил реплику в том месте речи, где говорилось, что К. Лыщинский был много лет членом ордена иезуитов, а затем порвал с ним. «Я понимаю,— заметил он,— это же академический воспитанник». Иезуиты прислали ему письмо с угрозой: «закончит литовский инстигатор с атеизмом, начнет с Вашей милости о клевете».

С 19 по 25 февраля духовные послы и иезуиты плели интриги, чтобы убедить большинство светских послов проголосовать за смертный приговор К. Лыщинскому. Польский исследователь Ю. Веловский сообщает, что они просили, грозили и обращались к более весомому аргументу — кошельку.

С 26 по 28 февраля велся сбор голосов за осуждение К. Лыщинского в атеизме и соответствующее наказание. Все члены суда — депутаты от духовенства (кардинал М. Радиовский, епископы К. Опаленский, М. Поплавский, А. Залусский, Я. Малаховский, Б. Мадалинский, Я. С. Витвицкий, Е. Котович, К. Бжостовский) и пшемысльский канцлер Е. Денхофф требовали смертной казни — сожжения на костре. Радиовский предлагал сжечь преступника на самом высоком месте для лучшего обозрения, а потом поставить на этом месте памятник в назидание другим. Только Поплавский из всех епископов высказался не за сожжение живым, а за отсечение головы, чтобы облегчить участь осужденного. Предложение же о памятнике было всеми отклонено с тем, чтобы в будущем вообще не было никакого упоминания о Лыщинском, чтобы имя его исчезло навеки.

Среди светских послов не было такого единодушия. Многие из них присоединились в итоге к мнению духовных послов, но высказывали разные мнения об исполнении казни. При этом одни предлагали не конфисковывать родовое имение осужденного, а оставить его детям, ибо и без того «им тяжело под бременем бесчестия их отца». Другие были против передачи половины конфискованного имения Бжоске, чтобы не расценивалось это как награда за донос. Часть депутатов высказалась против смертного приговора, но за пожизненное тюремное заключение. Некоторые послы осмелились выступить в защиту К. Лыщинского, высказались за отмену казни. По одним источникам, таких депутатов было шесть, по дру-

гим — три. Приведем доводы троих, ибо имена остальных неизвестны. Л. Поцей, ближайший помощник К. Лыщинского, не признал достаточными выдвинутые против него обвинения. Он утверждал, что было нарушено главное право шляхты. Писарь литовский Анджей Казимир Гелгут мотивировал свое несогласие тем, что сам бог не желает смерти преступников: «Не хочу смерти грешника, но хочу, чтобы жил и обратился». Нужно, по его мнению, и К. Лыщинскому дать возможность при жизни обратиться снова к богу. Каштелян брест-литовский (1662—1687 гг.), воевода смоленский Стефан Константин Пясечинский, близко знавший К. Лыщинского как подсудка брестского, утверждал, что тот не заслуживает смерти, ибо не упорствует ■ своих взглядах и в настоящее время отказывается от заблуждений, что он и так достаточно много натерпелся от своего бесправного заключения.

Но в итоге 28 февраля суд вынес приговор: сожжение на костре.

К. Лыщинскому не сообщали решения суда в течение месяца. Это было очередное издевательство. В это время его ни на час не оставляли в покое: подсылали ксендзов и монахов для увещевания, беседовали на разные религиозные темы, пытаясь выяснить его атеистические доказательства, принуждали к исполнению христианских предписаний.

Одновременно духовенство подготавливало общественное мнение к восприятию такого сурового приговора. Предлагалось сжечь атеиста «по его завещанию» — у дороги, без захоронения. С. Дамбский настаивал на публичной молитве с участием обвиненного для ублажения бога, чтобы он не разгневался на весь народ из-за одного отступника.

Духовенство стремилось убедить дворянство и все население Речи Посполитой, что выполнило патриотический долг перед государством, отвратив тем самым от него неизбежные несчастья. Суровость приговора должна была послужить предостережением многим другим.

В литературе приводится версия о том, что 6 или 10 марта на торжественном богослужении в костеле св. Яна К. Лыщинский читал текст отречения. За это ему якобы обещали даровать жизнь. Сообщались подробности: он не смог докончить сам, за него это сделал ксендз. Если это действительно было так, то почему же все-таки состоялась казнь? Эта версия к тому же опровергается фактом посещения узника киевским епископом

А. Залусским накануне казни. Профессор Б. Я. Рамм считал, что отречение, представленное в литературе, по содержанию противоречит выступлениям Лыщинского на суде и совпадает с основными тезисами его обвинителей, и, несомненно, оно состряпано ими.

Только 28 марта по указанию короля Яна III приговор был зачитан К. Лыщинскому литовским надворным маршалком Яном Каролем Дольским. К. Лыщинский обвинялся «в явном страшном преступлении, в подлом атеизме, в отрицании существования божьего величия и пресвятой троицы, а также благословенной богородицы, пресвятой девы Марии» и признавался виновным. Суд и король признали, что «этот обвиняемый заслужил более тяжелые меры наказания, чем уголовные преступники...». К. Лыщинский выслушал жестокий приговор с достоинством. Он не рассчитывал уже на помилование, обратился к королю лишь с просьбой заменить сожжение на костре отсечением головы. На эту просьбу Ян III дал свое согласие. Епископы старались и после этого склонить К. Лыщинского принять перед смертью христианские услуги. С этой миссией к нему отправился А. Залусский, который потом не постеснялся утверждать, будто хотел, чтобы К. Лыщинский «обратился и жил». Но К. Лыщинский остался непреклонным. По признанию Залусского, «он имел алмазное сердце». Мыслитель-атеист сохранил свое человеческое достоинство до последних минут жизни.

30 марта 1689 года состоялась казнь К. Лыщинского на старом рынке в Варшаве. Вот как описывает Ю. Веловский это печальное событие. Погода была хорошая. Рынок постепенно заполнялся людьми. С самого утра поодиночке и группами стекались жители столицы и ее окрестностей. Пришли также ученики иезуитских школ. Как раньше Лыщинский, так теперь другие воспитанники иезуитов пришли смотреть на мучительную смерть атеиста, чтобы черпать у нее науку. Это для них должно быть предостережением, чтобы не посмели вступить на подобный путь. К. Лыщинского привезли под стражей, в сопровождении ксендза. Здесь и там раздавались проклятия в адрес обвиняемого. Фанатизм, привитый клиром и иезуитами, приносил плоды — ненависть к вольнодумству. Сочувствовавшие вынуждены были молчать.

Осужденный держался с достоинством. Казалось, что он не слышит брани. Это еще больше усилило бешенство толпы. С разных сторон посыпались оскорбления и руга-

тельства. Но Лыщинский шел с поднятой головой, спокойно глядя на своих преследователей. Уверенным шагом ступил он на помост и последний раз осмотрел окружающих его людей. Палач вскинул меч, и приговоренный стал на колени. Блеснуло острие меча. Тело Лыщинского вывезено было за город и сожжено на костре, сложенном у дороги. Огонь поглотил также сочинения Лыщинского вместе с книгой Альстеда с замечаниями мученика[1].

Более эмоционально это трагическое событие описал известный польский писатель XIX века А. Креховецкий в произведении «Мрак», специально посвященном мыслителю.

Даже богатого воображения писателей не хватило для того, чтобы воспроизвести подлинную картину жестокой расправы над мужественным атеистом, которому, перед тем как отрубить голову, по словам французского историка Сальванди, сначала «палач раскаленными щипцами вырвал... язык и уста, потом на медленном огне ему сожгли руки, создававшие мерзкие творения»[2].

Примерно так же описывает казнь К. Лыщинского в своих воспоминаниях епископ Залусский: «Сначала надругались над языком и устами, которыми он оскорблял бога, потом сожгли руки — это орудие наивреднейшего плода, потом богохульные бумаги, наконец, он сам, это чудовище века, оказался объятый очистительным пламенем».

Невольно вспоминается, что такой же жестокий приговор был вынесен церковниками итальянскому мыслителю Лючилио Ванини, обвиненному в атеизме и сожженному на костре в Тулузе 9 февраля 1619 года. Приговор был страшен. Прежде всего Ванини должен был всенародно покаяться, стоя одетым в саван и с факелом в руке. Потом его должны были влачить на плетенке за лошадью, как влачили на свалку трупы самоубийц и людей, лишенных христианского погребения. Это был особый вид позорного наказания. Затем решено было отрезать ему язык, произносивший, с точки зрения церкви, кощунства, и, наконец, после долгих надругательств и мучений его должны были сжечь живым. Когда Л. Ванини услышал, что он должен покаяться перед богом, королем и

---

[1] *Wielowski J.* Sprawa Kazimierza Lyszczynskiego. Warszawa. 1955. S. 65—66.

[2] *Salvandy N. A.* Histoire de Pologne avant et sous le roi Jean Sobieskl. Paris. 1829. V. 3. P. 308.

судом, он гордо заявил: «Что касается бога, то я ни в какого бога не верю; что касается короля, то я его не оскорблял; что касается суда, то пусть он идет ко всем чертям, если вообще черти существуют». Вместо отречения и раскаяния, запланированных программой мрачной церемонии, Ванини на глазах у тысячной толпы мужественно воскликнул: «Не существует ни бога, ни черта! Но если бы бог существовал, я молил бы его о том, чтобы он метнул свою молнию в этот несправедливый и мерзкий парламент. А если бы существовал дьявол, я молился бы ему, чтобы ад поглотил это судилище. Но я этого не сделаю, потому что ни бога, ни черта не существует!» После этих слов у Ванини вырвали язык, а самого его сожгли заживо на костре. Прах атеиста инквизиторы развеяли по ветру.

Так же мужественно, как и Лючилио Ванини, с которым прокурор Курович сравнивал Казимира Лыщинского, встретил свой последний час уроженец брестской земли. По сообщениям очевидцев, в последние минуты жизни Казимир Лыщинский «показал себя достойным глубокого уважения и вполне приготовленным к смерти». Он умер спокойно, мужественно, глубоко убежденный в правоте своего дела, своих взглядов.

Так светские и церковные вельможи расправились с замечательным мыслителем-самородком, педагогом, общественным деятелем.

ОБРЕТЕННОЕ БЕССМЕРТИЕ

Не успел еще пепел, рассеянный после казни мыслителя пушечным выстрелом, опуститься на землю, как вокруг его имени и духовного наследия разгорелась идейная борьба, которая не прекращается и в настоящее время. Сразу же после смерти К. Лыщинского публикации о нем появились в Речи Посполитой, Германии, Франции, Швеции, Италии и других странах. С тех пор его фамилия не сходит со страниц книг, журналов, газет, энциклопедических и справочных изданий, продолжает жить в научных и литературных произведениях, в музыке, живописи и скульптуре. О нем создаются документальные фильмы, телепередачи.

В дооктябрьской литературе о К. Лыщинском можно выделить три направления. Во-первых, ортодоксально-клерикальное, представители которого, стремясь воспре-

пятствовать распространению влияния его материалистических и атеистических идей, пытались извратить взгляды мыслителя, очернить его нравственный облик, замолчать или принизить подлинное значение К. Лыщинского в истории общественной мысли, представить его атеизм как единичное и случайное явление в Речи Посполитой того времени.

Во-вторых, либерально-дворянское направление. Его сторонники склонялись к более правдивому освещению фактов жизни, деятельности и мировоззрения К. Лыщинского. Даже опубликовали ряд важных документов, относящихся к судебному процессу. Они пытались тем не менее представить К. Лыщинского как «мнимого» атеиста, объясняя трагическую смерть мыслителя либо враждебными происками его должника Яна Бжоски, либо интригами и коварством познанского епископа Стефана Витвицкого, который ценой казни К. Лыщинского надеялся получить от римского папы кардинальскую мантию и т. д. Таким образом, замалчивалась история материализма и атеизма славянских народов.

Наконец, третье направление в дореволюционной историографии о К. Лыщинском было тесно связано с демократической традицией культур разных народов Восточной и Западной Европы. Его представители стремились достоверно воссоздать жизненный путь и мировоззрение философа, определить его место в истории философской и общественно-политической мысли XVII века. Среди представителей этого направления мы встречаем имена известных мыслителей и революционеров прошлого. Так, неоднократно писал о К. Лыщинском видный представитель французского материализма, атеизма и утопического коммунизма XVIII века Сильвен Марешаль (1750—1803 гг.) в таких работах, как «Словарь благородных людей», «Альманах республиканцев» и др.

В дореволюционный период жизнь и деятельность философа-атеиста привлекла внимание писателей и поэтов. Одним из первых к личности К. Лыщинского обратился в своем творчестве замечательный польский писатель XIX века Ю. Крашевский (1812—1887 гг.), кстати, как и К. Лыщинский, проживший многие годы на брестской земле. В своей исторической повести «Записки Адама Поляновского, дворянина его Величества короля Яна III», написанной в виде воспоминаний очевидца периода правления короля Яна III Собесского, Крашевский, рисуя крушение Речи Посполитой, показал, что

ярким свидетельством экономического и культурного упадка был и процесс Казимира Лыщинского. «Ко всем прочим огорчениям,— писал Крашевский,— добавилось еще дело Лыщинского, обвиненного в безбожии, которого осудили на страшную смерть... хотя в Польше не случалось ранее, чтобы так жестоко карали атеистов».

На рубеже XIX — начала XX века продолжатель традиций Г. Сенкевича в польской литературе писатель и публицист А. Креховецкий (1850—1919 гг.) воссоздал цельный и яркий образ К. Лыщинского-мыслителя. Он посвятил ему произведения «Последний монарх», «Пяст», «Слава» и «Мрак», связанные общим идейным замыслом и единством действующих лиц. Главная тема тетралогии (общее ее название — «За трон») — это борьба, которую в XVII веке вела католическая церковь за власть в обществе и которая в конечном счете завершилась ее победой.

Несмотря на стремление к внешним эффектам и нагромождению коллизий, за что литературная критика того времени не без оснований упрекала писателя, А. Креховецкому удалось показать экономический, политический и духовный упадок Речи Посполитой, вызванный торжеством католической реакции. Построенное на документальной основе, произведение А. Креховецкого ярко и правдиво передает исторические события.

Невзирая на трагическую гибель героя и временное засилие католической реакции, последней не удалось подавить здоровые силы, окончательно задушить свободную мысль. Такой вывод закономерно следует из эпилога повести «Мрак». Когда доносчик Бжоска приехал в Лыщицы, чтобы завладеть причитающейся ему по постановлению суда частью имущества, а оставшуюся часть разрушить и на месте цветущей усадьбы оставить «пустырь на вечные времена», он услышал проклятия соседей К. Лыщинского, который даже после казни и иезуитской лжи, опутавшей его имя, остался в их глазах благородным человеком. Вот этот отрывок:

«Сразу же после казни Лыщинского пан Бжоска поспешил в Вильно, чтобы как можно быстрее взять свою добычу: половину имущества казненного... Однако, прибыв туда, сразу же убедился, что дело это совсем не простое. В настроениях, как это часто бывает, произошел переворот. Жестокая смерть Лыщинского сделала его сторонниками даже тех, которые были противниками его взглядов, и возбудила ненависть к доносчику. Когда,

в соответствии с приговором, приступили к разрушению усадьбы Лыщинского, в которой он создавал свои богохульные труды, Бжоска почувствовал свою жизнь под угрозой. Только и слышал вокруг себя брань и ругательства:

— Иуда!.. Клятвопреступник!..

Дом разрушили, деревья в саду срубили и сожгли, землю, на которой находилась усадьба, глубоко запахали. А толпа шумела вокруг гневно, взволнованно, готовая наброситься на исполнителей строгого приговора. Каждому казалось, что рушат часть его имения, каждый вспоминал прошедшие события и все то доброе, что когда-то Лыщинский для него сделал...

Перед глазами стольника, когда закончили исполнение приговора, возникла пани Морозова, всхлипывая громко:

— Иисус! Мария! — рыдала.— Иисус! Мария!.. Был самым добрым соседом... тихий... спокойный... Не хочется верить... не осталось следа... Совсем недавно видела его... вот, здесь... на этом месте... Он мне говорит: «День добрый, пани Морозова!» А я ему в ответ: «День добрый, господин подсудок!.. Иисус! Мария!.. И вот не осталось и следа!..

Когда стольник, в тот же день, хотел укрыться у нее от оскорблений, которыми его осыпали на улице, пани Морозова на порог его даже не пустила, крича что есть силы:

— Пусть подо мной земля разверзнется или дождь огненный спалит, чем я такого содомчика с Вавилонской башни приму... Убирайтесь, ваша милость, пока я вас метлой, кочергой или чем-нибудь другим не огрела!

...От людской ненависти Бжоска укрылся у брата, отца Гедеона, в монастыре иезуитов».

Документальная точность в воспроизведении и реалистическая трактовка подлинных событий заставляют серьезно относиться к произведению А. Креховецкого, которое частично еще в 1905 году было переведено на русский язык. До наших дней тетралогия А. Креховецкого «За трон» остается самым монументальным художественным произведением, посвященным К. Лыщинскому.

В 1910 году в Петербурге на русском языке вышла посвященная Казимиру Лыщинскому поэма «На плаху». Автором ее был потомок брата мыслителя — Лев Лыщинский. О нем известно пока немного. Его фамилия не попала ни в одну энциклопедию или справочник. Уда-

лось отыскать несколько небольших сборников его стихотворений, а также фундаментальную монографию «Род дворян Лыщинских». Последняя примечательна тем, что в ней, кроме многочисленных опубликованных источников, использованы материалы из семейного архива Лыщинских.

Эпиграфом к поэме взяты слова самого Казимира Лыщинского, которые, по его завещанию, должны были быть высечены на памятнике, поставленном на месте его захоронения: «Слушай, прохожий! Беги от этих камней, если ты боишься истины, так как от них ты научишься, что люди, зная даже правду, говорят ложь. Знание мудрецов есть остроумная выдумка» (перевод с латинского Л. Лыщинского).

Поскольку сам автор поэмы носил фамилию Лыщинского, то своего героя он назвал Казимиром Кустынским — от названия поместья Кустынь, которым Лыщинские владели наряду с Лыщицами. Поэма, названная автором «рассказом в стихах», воспроизводит весь жизненный путь Казимира Кустынского. Дед Казимира литовский ловчий Константин отправил своего внука на воспитание, как тогда полагалось, ко двору канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги, с которым был связан многолетней личной дружбой. Как-то в гости к Л. Сапеге приехал гетман Великого княжества Литовского Ян Радзивилл со своей дочерью красавицей Марией-Анной. Казимир познакомился с ней и полюбил ее. Под впечатлением неразделенной, как ему казалось, беззаветной юношеской любви Казимир вступил в орден иезуитов. Однако церковные догмы не принесли удовлетворения и успокоения К. Кустынскому, и он решил порвать с орденом. Толчком для этого послужил брак Марии-Анны с богатым магнатом Богуславом Радзивиллом. Это событие окончательно подорвало веру Казимира в бога, убедило его в абсурдности божественного предопределения.

Отцы-игнатианцы затаили злобу на Казимира и стали ждать только удобного случая, чтобы сурово расправиться с дерзким вольнодумцем.

Немало лет прошло с тех пор,
Но с иезуитами раздор
Еще не кончен навсегда,
И Казимиру никогда
Не будет полного прощенья
За бегство и за отреченье.

Случай представился, когда через год после несчастного замужества умерла возлюбленная Казимира, и он начал открыто пропагандировать свое материалистическое мировоззрение.

Вскоре по доносу Казимира арестовывают. В поэме ярко описывается сначала суд епископов в Вильно, а затем — сенатский в Варшаве. Автор поэмы с гордостью пишет о том, что свой последний час Казимир Лыщинский встретил с достоинством.

Молчит веселая Варшава,
Молчат кругом долины рек,
Молчит померкнувшая слава,—
Сегодня умер человек.

Таковы наиболее значительные художественные произведения о Казимире Лыщинском, созданные до Великой Октябрьской социалистической революции.

Новый этап в изучении жизненного пути и идейного наследия К. Лыщинского начался после победы Великого Октября. Уже в первые годы значительный интерес был проявлен и к изучению мировоззрения К. Лыщинского. Первую в Советской Белоруссии работу «Казимир Лыщинский — белорусский безбожник XVII века» опубликовал в 1927 году профессор БГУ В. Дружчиц (1886—1937 гг.).

Он, в частности, отмечал, что «взгляды Лыщинского... сложились под воздействием ознакомления с западноевропейской литературой, которая была запрещена католической церковью». В статье В. Дружчица дана общая характеристика мировоззрения К. Лыщинского, излагается его критика теологии, католического духовенства, Библии, анализируются взгляды атеиста на семью, брак и т. д. В. Дружчиц сыграл значительную роль в пропаганде передовой отечественной атеистической мысли XVII века.

Большое значение в изучении и пропаганде материалистических и атеистических взглядов К. Лыщинского в республике имело издание сборника текстов «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии», в котором приведены фрагменты трактата «О несуществовании бога», речь С. Куровича, прошение К. Лыщинского.

В 60—70-е годы в Белоруссии появилось несколько публикаций о К. Лыщинском. Весьма плодотворно занимался исследованием наследия мыслителя Н. Алексюто-

вич (1921—1967 гг.). В своих работах он описал жизненный путь, систематизировал идеи замечательного атеиста, оценил его место в истории общественной мысли человечества.

И. Н. Лушицкий (1907—1973 гг.) писал, что Казимир Лыщинский как материалист и атеист стоял на уровне науки и философии XVII в. Он даже во многом превосходил некоторых своих современников. Я. Н. Мараш выявил некоторые новые архивные материалы, полнее раскрывающие жизненный путь и атеистическое наследие К. Лыщинского. Ряд публикаций посвятили этой проблеме авторы данной книги. В них наряду с характеристикой материализма и атеизма К. Лыщинского анализируются идеи диалектики и утопического социализма в наследии мыслителя, на основе новых данных уточняются факты его жизни, рассматривается влияние К. Лыщинского на развитие атеизма в Белоруссии.

Следует назвать и художественные произведения о К. Лыщинском, появившиеся в БССР в последнее время. Это прежде всего стихотворение К. Цвирки «Казимир Лыщинский», рассказ В. Орлова «Миссия папского нунция» и другие.

В музеях Белорусской ССР созданы экспозиции о жизни и жестокой казни Казимира Лыщинского (в Минске, Гродно, Бресте). Для двух из них — в Гродно и Минске — художники написали картины.

Памятным событием в культурной жизни республики стала художественная выставка, посвященная 350-летию со дня рождения Казимира Лыщинского. Она проходила в январе — мае 1985 года в Гродно и была приурочена к открытию Республиканского музея атеизма и истории религии. На выставке были представлены около двух десятков работ — плакаты, гравюры, портреты, медали художников из Минска, Гродно, Витебска, Молодечно, Барановичей.

Заметное внимание уделяют изучению идейного наследия К. Лыщинского ученые Российской Федерации. Первая публикация, посвященная его взглядам, появилась в 1939 году. Это статья С. Шнеерсона «Казимир Корчак-Лыщинский». Наиболее обстоятельные исследования принадлежат перу известного ленинградского ученого профессора Б. Я. Рамма. В 1959 году он написал работу «Казимир Лыщинский — жертва религиозного изуверства», которая является глубоким исследованием на основе сравнительного анализа взглядов К. Лыщин-

ского и западноевропейских мыслителей. Ученый пришел к заключению, что Лыщинский был смелым глашатаем критического рационализма XVII века, продолжателем лучших традиций передовой философской мысли. Рядом с именами бесстрашных борцов против религиозного обскурантизма, жертв инквизиции — Джордано Бруно и Лючилио Ванини по праву должно стоять имя замечательного мыслителя XVII века Казимира Лыщинского. Профессор Б. Я. Рамм написал также ряд статей о К. Лыщинском для Большой Советской Энциклопедии, Советской Исторической Энциклопедии, Философской Энциклопедии и других изданий. Журнал «Наука и религия» опубликовал статью Т. Макаренко «Поборник истинного учения», посвященную К. Лыщинскому.

Большую работу по изучению и пропаганде идейного наследия К. Лыщинского проделали литовские ученые. И. Юргинис в книге «Казимерас Лыщинскис — основоположник атеизма в Литве» критически пересмотрел труды многих авторов. Он стремился не только воспроизвести жизненный путь мыслителя и дать характеристику его мировоззрения, но и показать влияние идей К. Лыщинского на дальнейшее развитие атеизма в Литве, на социальную мысль в целом. Распространение материалистических и атеистических идей К. Лыщинского, пишет И. Юргинис, способствовало «разрушению господствовавшей тогда идеологии и утверждению новых общественных отношений».

Государственный академический театр оперы и балета Литовской ССР в 1965 году поставил оперу «Город Солнца». Либретто ее по мотивам жизни и смерти К. Лыщинского написал Ю. Мацконис. Музыку — А. Рачюнас. Несмотря на трагический финал, опера оптимистична. Музыкальными и сценическими средствами она выражает моральную победу мыслителя над реакционными силами.

В 60-х годах в Литовской ССР создано несколько художественных произведений о К. Лыщинском. В 1964 году художник И. Мацконис написал для Музея атеизма в Вильнюсе картину «Лыщинский перед церковным трибуналом». Это одно из лучших полотен о К. Лыщинском. В 1966 году для того же музея художник Грушас создал огромный витраж «К. Лыщинский». Кроме того, в музее находится бюст мыслителя. Его автор скульптор В. Мачуйка.

Атеистическое наследие наших предшественников при-

сутствует в настоящем, продолжает незримую борьбу за духовное освобождение человечества. К. Лыщинский был выше своих современников по мировоззрению и помогал окружающим его людям понять сложные вопросы бытия, учил в своей школе подрастающее поколение «действительным истинам», а «не ложным наукам». И сегодня он в строю борьбы за умы и сердца тех, кто в религии еще видит добро и пользу, кто богом отгородился от окружающего мира.

К. Лыщинского помнят и чтут не только на его родине — в Белоруссии, где он написал свой трактат и распространял атеистические идеи, но и в Литве, с которой была связана часть его жизни, в других союзных республиках нашей необъятной Родины, во всем прогрессивном мире.

Особенно большая и плодотворная работа по изучению и популяризации идейного наследия мыслителя проделана учеными и писателями Польской Народной Республики. Бесспорные заслуги в этой области принадлежат современному польскому историку религии и атеизма профессору А. Новицкому, посвятившему К. Лыщинскому десятки работ. Некоторые из них вышли в свет на русском языке.

А. Новицкий выявил и собрал самую полную библиографию о К. Лыщинском, которая насчитывает более 500 различных публикаций, вышедших с момента казни мыслителя до настоящего времени.

Так Казимир Лыщинский обрел свою вечную жизнь в научном и художественном творчестве разных народов. Это ли не бессмертие? Это реальная память о К. Лыщинском, как и о других жертвах религиозного мракобесия.

В бессмертии народов осуществляется бессмертие отдельного человека. Человек смертен как биологическое существо, но переживает свою гибель как существо социальное. Передовые идеи, произведения искусства и литературы, подвиги во имя общественного прогресса не подвластны времени, они являются основой созидания для последующих поколений. Человечество помнит своих героев и всех, кто трудился на благо людей. Не только великие деятели, герои и мастера искусства оставляют свой след в истории. Каждый человек совместно с другими создает материальные ценности, прибавляет хоть крупицу опыта к сокровищнице культуры. Значение, смысл жизни переплетаются с ходом развития общества.

Являясь частицей общества, каждая личность вкладывает свой труд в фундамент грядущего. Поэтому ее деятельность приобретает социальное бессмертие.

* * *

Минуло почти 300 лет с тех пор, когда высший светский и духовный суд Речи Посполитой вынес Казимиру Лыщинскому смертный приговор, присовокупив к нему: «Имущество его будет конфисковано, дом, в котором жил, разрушен, а место оставлено пустырем на вечные времена».

История распорядилась иначе. Сейчас на месте бывшего имения Лыщинского расположен передовой колхоз «Память Ильича» Брестского района. Земляки философа живут интересной, наполненной свободным созидательным трудом, жизнью. Как отмечалось на страницах газеты «Правда», труженики колхоза добились значительных успехов в выполнении планов 11-й пятилетки, превысив их по многим показателям. За годы Советской власти коренным образом изменились эти места. Построен новый поселок, где в квартирах со всеми удобствами живут 150 семей, имеется современный Дом культуры, торговый центр, детский сад [1].

В настоящее время в колхозе создается этнографический музей. Значительную часть экспозиции в нем планируется посвятить жизненному пути и мировоззрению Казимира Лыщинского, мечтавшего о счастливой жизни для своих соотечественников — без угнетения, без эксплуатации, без засилия священнослужителей.

Привольно живется и свободно дышится сегодня людям в некогда проклятом церковью месте, где, как и во всей стране, построено общество социальной справедливости, воплотившее в действительности светлые идеалы прогрессивных мыслителей прошлого, одним из которых был и Казимир Лыщинский. И думается, на этой земле, подарившей миру мыслителя, чьи идеи намного опередили его время, вскоре будет воздвигнут памятник, как воздвигнуты они многим другим борцам за новое материалистическое мировоззрение и социальную справедливость.

Но лучшим памятником К. Лыщинскому является благодарность потомков.

---

[1] Правда. 1985. 16 нояб.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ПОДРОБНОЕ СООБЩЕНИЕ О ЗАКЛЮЧЕНИИ В ТЮРЬМУ И СМЕРТИ КАЗИМИРА ЛЫЩИНСКОГО, БРЕСТСКОГО ПОДСУДКА

31 октября 1688 г. виленским епископом был посажен в тюрьму в Варшаве брестский подсудок Казимир Лыщинский, обвиненный в атеизме. У него нашли несколько писаний, в которых он нападал на истинную сущность бога. Среди других порочащих бога высказываний нашли следующее: «Бог не является создателем человека, а человек является создателем бога, так как выдумал себе бога из ничего» **...

В роли обвинителя выступал литовский инстигатор, который обосновывал свое заявление следующим образом. Обвиняемый написал книгу [состоящую] из пятнадцати тетрадей, в которых приводил доказательства против истинной сущности бога, позаимствовав их у языческих и других порочащих бога авторов и сделав такой вывод: «следовательно, бога нет» **. Все это он делал не в порядке спора, но решительно и утвердительно. Он часто повторял: «Мы, атеисты, так верим и так думаем». Когда он читал одного кальвинистского автора [если не ошибаюсь, Альстеда], который спорил с атеистами из-за бога, то на полях написал неоднократно: «Ошибается и болтает этот легковерный глупец». Далее он учил, будто таинство святого брака является только обыкновенной связью. Запрещение бракосочетания при кровном родстве не имело [для него] никакого значения; поэтому он свою дочь заставил сочетаться браком с одним из близких родственников; за это предстал перед духовным судом и был приговорен к отлучению. По этим всем причинам он привлекается к ответственности, так как атеизм является худшим из всех пороков; следовательно, виновник должен быть подвергнут соответствующему наказанию.

28 марта по делу обвиняемого атеиста литовским гофмаршалом был опубликован приговор следующего содержания. Лыщинский должен быть вывезен из города и сожжен на костре вместе со своими произведениями в руках. Имущество его будет конфисковано, дом, в котором жил, разрушен и место оставлено пустырем на вечные времена.

После чтения приговора перед королевским троном выступили познанский и лифляндский епископы с просьбой, чтобы несколько смягчить суровость приговора. Сам обвиняемый тоже начал говорить, пал на колени и проливал слезы, упрашивая, чтобы его не заставили умирать такой продолжительной и мучительной смертью, но от удара меча; это хорошо послужит делу его спасения, так как он опасается больших искушений, которые в таких случаях обыкновенно испытывает человек.

Это склонило королевское величество оказать ему милость, чтобы он был казнен путем отсечения головы.

---

* Тексты документов приводятся по изданию: «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии» (в сокращении).

** В подлиннике фраза дана по-латыни.

30 марта был исполнен приговор следующим образом: на помосте, построенном на площади, Лыщинский сжег свою рукопись, держа ее на палке. Затем ему снесли голову и сразу после этого вывезли за город и труп сожгли дотла.

Во время казни он показал себя очень благоговейным и вполне подготовленным к смерти. Пепел был помещен в снаряд и выстрелен в тартарию.

ФРАГМЕНТЫ ТРАКТАТА КАЗИМИРА ЛЫЩИНСКОГО «О НЕСУЩЕСТВОВАНИИ БОГА»

1. Заклинаем вас, о богословы, именем вашего бога; разве вы этим не гасите свет разума, не отнимаете солнца у мира, не опрокидываете с небес вашего бога, когда вы приписываете богу невозможное, противоречивые черты и свойства бога.

2. Человек — создатель бога, а бог — творение и создание человека. Таким образом, люди — творцы и создатели богов, и бог является не действительной сущностью, а [творением] разума и к тому же химерическим; поэтому бог и химера — одно и то же.

3. Религия установлена людьми неверующими, чтобы им воздавали почести... Вера в бога введена безбожниками. Страх божий внушен не имеющими страха для того, чтобы [их] боялись. Вера, которую считают священной,— это человеческая выдумка. Учение, будь то логическое или философское, которое кичится тем, что оно учит истине о боге, ложно. И, наоборот, то, что осуждено как ложное, есть правдивейшее.

4. Лжемудрецы обманывают простой народ, опутывая его лживой верой в бога, и поддерживают ее таким образом, что даже если бы мудрецы захотели его [народ] освободить с помощью истины от этого угнетения, то их [т. е. мудрецов] подавляют при помощи самого же [народа].

5. Однако мы не находим ни в нас самих, ни в других этого веления разума, укрепляющего нас в откровении божьем, ибо если бы оно в нас было, то все бы согласились, не сомневались и не возражали бы против писания Моисея и Евангелия [которое ложно!] и не было бы различных изобретателей разных сект и их приверженцев — магометан и т. д. и т. п. Однако об этом не знают и подвергают это сомнению, а также высказывают противоречивые мнения не только несмышленые, но и мудрецы, которые путем правильного рассуждения, так же как и я, доказывают противоположное.

Следовательно, бога нет.

Надгробная надпись (лат.), которую Лыщинский сам составил при жизни и о которой упоминается в вышеприведенных актах: «О путник! Не пройди мимо этих камней. Ты на них не споткнешься, если не споткнешься на истине. Узнаешь истину у камней: ибо даже те люди, которые знают, что это правда, учат, что это ложь. Учение мудрецов — сознательный обман».

ИЗ «РЕЧИ СИМОНА КУРОВИЧА, ИНСТИГАТОРА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, ПО ДЕЛУ АТЕИСТА КАЗИМИРА ЛЫЩИНСКОГО, БРЕСТСКОГО ПОДСУДКА, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ВАРШАВСКОМ СЕЙМЕ 15 ФЕВРАЛЯ 1689 г.»

Это богу противное дело, никогда до этого неслыханное в польском мире, и пусть бы и далее о таком не было слышно! Дело, затеянное ничтожным созданием против создателя; мой ум и каждого, кто считает себя человеком, не может смириться с ним, так как я не могу заподозрить или найти упоминание о таком чудовище нигде, разве только об одном безбожнике Грамунда, итальянце по имени Лючилио Ванини... осужденном тулузским парламентом и жестоко наказанном в 1618 г. ...

Это первый и пусть был бы последний в польском мире еретик, который не только мысленно, но и перед судом совести согрешил; а когда речь идет об оскорблении бога, даже мысли следует карать; а он не словом, хотя и слово о боге высказать опасно, но, что более обидно, подлым писанием, изысканной едкостью слов, сколоченных из разных авторов и заморских атеистов, не простым или случайным утверждением, но, засев за свой пюпитр, как на чумной кафедре, диалектическими доказательствами, доводами, последовательностью и выводами обосновывал свои утверждения, делая из большего большие выводы, из меньшего меньшие; изощрял свой разум и стремился к тому, чтобы убедительно доказать миру то, при мысли и упоминании о чем содрогается ум, а христианские и языческие уста деревенеют. Ведь это он, представ в недоумении и тревоге перед божьим величием и его наместником милостивым королем, не моими устами, но дыханием чумного пара атеиста не как человек, а как чудовище воскликнул: «А следовательно, нет бога, следовательно, нет бога!..»

Я обвиняю его в том, что он посмел на 265 листах не только представить господа бога как несуществующее творение фантазии, слепую случайность и столкнуть его с необыкновенной и недосягаемой высоты, но и посмел приписать власть и управление землей и небом естественной природе; самого же господа бога назвал выдумкой, чудовищем, пустой святостью, человеческим творением, сущностью, созданной в мечтаниях, не имеющей бытия, а тех, которые веруют в бога, назвал рабами божества, идолопоклонниками, создателями бога; учителей же святой католической веры, богословов — ремесленниками пустозвонства, пресмыкающимися змеями, слепцами, которые лгут, будто в темноте видят, называя их не наставниками, а соблазнителями, не философами, а обманщиками, защитниками глупостей, ошибок, устаревших уловок. Он безбожно срамил их, пером самого черта лживо писал бесчисленные богохульства против пресвятейшей троицы, против господнего воплощения, против непорочной девственности благословенной девы Марии, против воскресения из мертвых. Книгу свою, написанную догматически, при помощи силлогизмов, против существования и существа бога такими словами закончил своей рукой: «А следовательно, бога нет»...

Довели его [Лыщинского] до этого языческие софизмы, чтение книг, запрещенных божьей церковью и изданных где-то за морем различными атеистами в адской типографии с участием самого Люцифера. Он до того начитался этих книг, что лишился разума, ибо, понимая мало, желал узнать много, но он не остановился на том, что сам стал безбожным атеистом. Его ожесточенность против бога на-

растает, потому что такова особенность отступничества, что оно идет все дальше; [Лыщинский] начал явно заражать этой наукой, как ядовитой отравой, невинные умы молодых и зрелых людей. Хрюкая, как некогда Грилус, превращенный Цирцеей в свинью, он доказывал прелести свиней... Когда люди стали убегать от этой науки, как от поветрия, он обратился к другому способу. Этот безбожный учитель, а скорее чудовище или страшилище природы, засел на кафедре порока и сразу же убрал из своей школы таблицу, на которой было написано, хотя и языческим писателем, но с мыслью о боге, по-христиански: «Когда среди философов поднимается вопрос об изучении природы богов, то лучше всего признать, что мы об этом ничего не знаем...»

Почему же ты, как заседающий в земских судах подсудок, депутат в трибунальских, секретарь в асессорских судах, по крайней мере, по-человечески не задумался над тем, что перо многих погубило, а чернило не раз превращалось [redacted] слезы и что тот, кто колет пером, часто погибает от меча; а особенно ты не задумывался над мудрым предостережением: «О, к счастью, ты не избегнул пагубного для многих искусства писания!» Следовало ли так внезапно и поспешно отходить от Катехизиса, которому недавно ты сам обучал в школах, а также на улицах и рынках, утверждая, что существует бог единый [redacted] св. троице, есть [хорошая] и плохая вечность; а теперь ты отважился писать и утверждать прямо противоположное: что бога нет. Какой внезапный и подлый переход от добра к злу! [Не существует] ни ангелов, ни неба, ни ада, ни хорошей и плохой вечности, ни награды добрым, ни наказания злым! Как можно было это писать?..

Ты опустошил небо, заселил место обитания бога химерами, разумные и бессмертные людские души сравнил со скотскими; ты спутал и смешал порядок управления всем миром, установленный самим господом богом в виде столь различных классов, властей и монархий, желая иметь мир без власти, города без начальников, народы без государей, храм без священника, капитолий без судьи; честные супружеские связи и девичий стыд превратил в одну естественную псарню свободной связи и разрешил всякое кровосмешение как естественный закон...

Новый и Ветхий заветы Лыщинский нагло считал баснями и выдумкой Христа и Моисея; но, не остановившись и на этой ступени, дальше которой злоба против бога не могла уже зайти, он утверждал, будто некоторые теологи так же думали о боге, как и он. Злостно клеветал, говоря, что [церковники] обманывают простой люд, пугая его адом, как отец пугает плохих детей розгой, чтобы сдержать от проступков, а чистилищем угрожают ради своей выгоды. Целые тома исписал подобными богохульствами, из которых лишь пятнадцать тетрадей досталось подавшему жалобу господину браславскому стольнику; большая же их часть вместе с другими книгами, хуже колдовских, остается до сих пор при обвиняемом, и их должны выявить на суде те, кого сей ядовитый учитель обучал и кого считал приверженцем своей вредной науки...

Он виновен в оскорблении божьего величия, виновен в измене и заговоре против бога, виновен в богохульстве, виновен в оскорблении вашего королевского величия, ибо обида бога распространяется и на его наместника, виновен против христианской Речи Посполитой, в которой священные польские предки [redacted] костелах обнажали свое оружие во время чтения Евангелия для того, чтобы показать и заявить, что за бога и святую веру умереть готовы. Он виновен больше, чем в отцеубийстве, ибо убил общего отца неба и земли, из-за чего со-

дрогнулась сама смерть, установленная для искупления человеческих грехов богом, а не против бога. О бешеная и неистовая злоба против бога, ты себе уже лишнее позволила, меру своего озлобления превысила, ибо сколько тетрадей — столько зарядов, сколько чернил — столько пороха, сколько предложений — столько ядер — одним словом, сколько слов — столько оскорблений выстрелено против бога! И потому не мне следовало бы стать на этом месте, а св. Михаилу и, замахнувшись обоюдоострым мечом над головой атеиста, воскликнуть: «кто, как не бог?», чтобы тотчас не стало ни атеиста, ни дела.

Собрав вместе все преступления [, совершенные] беглецом из ордена, остающегося до сих пор в духовном сане, и доказав его же писаниями, как он, безумный человек, зараженный более чем львиным бешенством, посмел возвести на бога такую клевету и заявить, что он не является богом, мне нечего больше сказать, как только этими словами заключить свое предложение: богохульствовал! Зачем нам еще свидетели, если мы имеем его собственные сочинения и доводы: заслужил смерти.

ЛИТЕРАТУРА О К. ЛЫЩИНСКОМ
(КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ)

Алексютовіч М. Атэіст Казімір Лышчынскі // Беларусь. 1952. № 2.

Алексютовіч М. А. Святло ў цемры. Мн. 1960.

Алексютович Н. А. Выдающийся атеист и материалист XVII века // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избр. произведения XVI — начала XIX в. Мн. 1962. 1962.

Алексютовіч М. З глыбінь стагоддзяў. Беларускі філосаф Казімір Лышчынскі // Полымя. 1966. № 1.

Алексютовіч М. Казімір Лышчынскі // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. Мн. 1968.

Алексютович Н. А. Материалистические и атеистические идеи в Белоруссии XVII века. Казимир Лыщинский // История философии СССР: В 5 т. М., 1968. Т. 1.

Барздайтис И. Волнующий рассказ о К. Лыщинскисе // Коммунист. Вильнюс. 1957. № 11.

Васілеўскі П. Святло адамантавага сэрца // Мастацтва Беларусі. 1986. № 2.

Дружчыц В. Казімір Лышчынскі — беларускі бязбожнік XVII веку // Полымя. 1927. № 2.

Кареев Н. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М. 1886.

Лыщинский К. О несуществовании бога. Фрагменты // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии.

Лыщинский Л. Род дворян Лыщинских. Материалы для составления 157 родословных. Спб. 1907.

Лыщинский Л. На плаху. Рассказ в стихах. Спб. 1910.

Лущицкий И. Н. Атеисты Белоруссии в XVI—XVIII вв. // Основы научного атеизма. Мн. 1967.

Мажейка В. Памятник литовскому атеисту // Наука и религия. 1962. № 7.

Майхровіч С. Выдатны беларускі філосаф // Беларусь. 1968. № 11.

Макаренко Т. Поборник истинного учения // Наука и религия. 1976. № 8.

Мараш Я. Змагар супраць цемрашальства // Маладосць. 1961. № 7.

Мараш Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии в XVIII веке. Мн. 1974.

Новицкий А. Очерк истории атеизма и свободомыслия в Польше // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л. 1962. Т. 6.

Прокошина Е. С. Свободомыслие и атеизм в XVII в.: Казимир Лыщинский // Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии. Мн. 1973.

Пракошына Е. С. Пра Лышчынскага ведаюць і пішуць школьнікі з Баку // Народная асвета. 1976. № 3.

Прокошина Е. С. Атеизм Казимира Лыщинского // Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии. Мн. 1978.

Рамм Б. Я. Казимир Лыщинский — жертва религиозного изуверства // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л. 1959. Т. 3.

Шалькевіч В. Касцёр бессмяротнасці // Полымя. 1977. № 3.

Шнеерсон С. Казимир Корчак-Лыщинский // Антирелигиозник. 1939. № 2.

Nowicki A. Studia nad Łyszczyńskim // Euhemer. Zeszyty Filozoficzne, nr 4, 1963, s. 45—83; Euhemer. 1965, nr 5, s. 131—144; 1966, nr 1, s. 71—80; 1966, nr 2, s. 71—88; 1971, nr 2, s. 143—150.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Время К. Лыщинского 5
Годы жизни 20
«Следовательно, бога нет» 38
Взгляд в будущее 55
Судилище над атеистом 62
Обретенное бессмертие 77
Приложение 87
Литература о К. Лыщинском 92

Екатерина Сергеевна Прокошина
Вячеслав Феликсович Шалькевич

КАЗИМИР ЛЫЩИНСКИЙ

Портрет К. Лыщинского выполнен В. А. Степановым.
В оформлении использована старинная гравюра.

Заведующий редакцией А. В. Сапун. Редактор А. А. Зарицкий. Художник В. А. Степанов. Художественный редактор В. А. Губарев. Технический редактор Л. Л. Мастерова. Корректоры И. А. Малиновская, Р. П. Иваненко.

ИБ № 2451

Сдано в набор 23.01.86. Подп. в печ. 28.05.86. АТ 05076. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,35. Уч.-изд. л. 5,34. Тираж 6000 экз. Зак. 767. Цена 25 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

Прокошина Е. С., Шалькевич В. Ф.

П 80 Казимир Лыщинский.— Мн.: Беларусь, 1986.— 94 с.

Авторы рассказывают об общественно-политическом деятеле и мыслителе XVII века, уроженце Брестчины, казненном за пропаганду антирелигиозных взглядов.

Показано состояние передовой общественной мысли в Белоруссии того времени.

Для широкого круга читателей.

П $\frac{0400000000-208}{М\ 301(05)-86}$ 14—86 ББК 86.1

25 к.